

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

СТОЯНКА ВЪ ДЫМОГАРѢ.

(ДОНЪ-ЖУАНЪ.)

(Окончаніе).

Прошло мѣсяца два. Въ Дымогарѣ и у помѣщиковъ по деревнямъ открылся рядъ увеселеній, состоявшихъ, разумѣется, изъ танцевъ, и уланы пировали на славу. Дымогарскія собранія, однакъ, мало привлекали молодежи, развѣ изъ ближайшихъ эскадроновъ, потому что городскія дамы любезничали преимущественно со штабными. Кромѣ того, въ концѣ Дымогарскаго уѣзда, въ противоположную сторону отъ Зимницъ, жили почти рядомъ два богача-помѣщика, у которыхъ чуть не ежедневно устраивались танцы, а для офицеровъ отведены были роскошныя помѣщенія. Молодежь и устремлялась къ этимъ помѣщикамъ, такъ что въ дымогарскомъ собраніи иногда не составлялось и восьми паръ, за недостаткомъ кавалеровъ.

Офицеры сперва чрезвычайно удивлялись, не встрѣчая нигдѣ Винорѣцкаго, но, разумѣется, вскорѣ узнали законную причину, и нѣкоторые изъ ярыхъ волокитъ пытались было потягаться съ Донъ-Жуаномъ. Два, три корнета пріѣзжали въ Зимницы; однако, Марья Семеновна, по совѣту Винорѣцкаго, не принимала никого, именно въ то время, когда она расположена была измѣнить обычай и открыть свой домъ хотя для нѣсколькихъ постороннихъ.

Винорѣцкій совершенно очаровалъ Балганову, потому что, кромѣ умѣнья подлаживаться къ старухамъ, кромѣ потворства ихъ привычкамъ и мнѣніямъ, часто самымъ дикимъ, онъ зналъ большое количество всевозможныхъ пасьянсовъ, даже такихъ, о которыхъ и не слыхивала Марья Семеновна. Искусство это онъ вынесъ тоже изъ практики волокитства, ухаживая за женою одного господина, всю жизнь проводившаго за раскладываньемъ пасьянсовъ—личности, и теперь попадающіяся во многихъ уголкахъ нашего отечества. Есть семейства, гдѣ не только взрослые, но и дѣти предаются этому мертвящему, убивающему разумъ занятію, и хотя всѣ охотники до пасьянса оправдываются тѣмъ, что самъ великій Наполеонъ ревностно занимался раскладываньемъ картъ, однако не каждая же привычка великихъ людей должна служить примѣромъ разумному существу. Суворовъ, безспорно былъ великій полководецъ, а, между тѣмъ, кричалъ пѣтухомъ и выкидывалъ штуки, которыхъ повторить не рѣшится не только тотъ, кто мѣтитъ въ полководцы, а и молодой человѣкъ, готовый тотчасъ же на какую нибудь, порой не извинительную, выходку. Винорѣцкій до того поддавался къ старухѣ угодливостію, до того заявилъ себя врагомъ всякаго живаго поэтическаго произведенія и поборникомъ всѣхъ сухихъ и мертвыхъ доктринъ, вошедшихъ въ плоть и кровь Марьи Семеновны, что она недоумѣвала, какъ такой «совершенный агнецъ невинности» могъ служить въ полку въ обществѣ Холдунова и ему подобныхъ. Надо сказать правду, что, при первомъ знакомствѣ, Марья Семеновна зоркими глазами смотрѣла за племянницей, желая прослѣдить впечатлѣніе, произведенное на дѣвушку молодымъ человѣкомъ, но Наташа, по наставленію Винорѣцкаго, такъ превосходно разыграла роль, что тетускѣ пришлось уговаривать ее не дичиться скромнаго и образованнаго юноши. Все, что терпѣлось въ домѣ во время рѣдкихъ посѣщеній Винорѣцкаго, который сперва пріѣзжалъ къ обѣду по праздникамъ, вознаграждалось почти ежедневно у озера Дикихъ Розъ, куда Наташу отпускали безъ боязни, во первыхъ по увѣренію Винорѣцкаго, что вокругъ не представлялось никакой опасности, во вторыхъ уповая на бдительность преданной прислуги. Но въ то время, когда Порфирій и булочница до забытья играли въ свои козыри, саженьяхъ въ тридцати, въ кустахъ, происходила игра болѣе азартная, способная повлечь за собою довольно серьезныя послѣдствія. Между тѣмъ, несмотря, что о Вино-

рѣцкомъ и Наташѣ начинали ходить въ полку скандалезныя исторіи, несмотря даже на особенное отнѣживанье поручика при встрѣчѣ съ товарищами, поздравлявшими его 'съ побѣдой, надобно сказать правду, дѣло Донъ-Жуана хотя и подвинулось далеко, однако не дошло до того результата, къ которому Винорѣцкій шелъ постоянно прямыми или косвенными путями. Какъ ни былъ опытенъ волокита въ достиженіи своей заповѣдной цѣли, какъ ни была наивна дѣвушка, почти не понимавшая жизни, но окончательному паденію Наташи мѣшали пока два обстоятельства: съ одной стороны положительная увѣренность въ побѣдѣ, съ другой смутно понятая изъ нѣсколькихъ романовъ мысль о предстоящей опасности. Слѣдуя Наташа просто по пути, начертанному тетужкой и мадамъ Було, она, увлеченная любовью, давно пожертвовала бы всѣмъ для своего возлюбленнаго, не понимая даже этого пожертвованія; но, побывъ нѣсколько разъ на свиданіяхъ съ Винорѣцкимъ и замѣтивъ въ его пріемахъ большую разницу съ тѣми пріемами, съ которыми онъ велъ себя сначала, Наташа невольно начала припоминать разныя вычитанныя сцены и нѣсколько догадывалась объ ихъ содержаніи. Разумѣется, всѣ эти средства не могли долго служить къ ея спасенію, потому что борьба происходила неравнымъ оружіемъ; однако долгъ справедливаго историка заставляетъ насъ рассказывать, какъ было дѣло. Однажды Наташа, объявляя Винорѣцкому, что съ наступающею глубокою осенью ей уже невозможно будетъ выходить къ озеру, бросила ему очень простую мысль, что имъ не зачѣмъ скрываться отъ тетужки, которая, судя по всему, не будетъ противиться или, по крайней мѣрѣ, не окажетъ большаго сопротивленія на бракъ ея съ Винорѣцкимъ.

Послѣ всѣхъ клятвъ и поцѣлуевъ, расточаемыхъ Донъ-Жуаномъ дѣвужкѣ, казалось, эта мысль была весьма естественна, однако Винорѣцкій слегка вздрогнулъ, услышавъ такіа слова отъ Наташи.

— Ты думаешь? спросилъ онъ измѣнившимся нѣсколько голосомъ.

— Да, я думаю; только надо будетъ подождать года два, три, потому что, по словамъ маманъ, дѣвужкѣ ранѣе двадцати лѣтъ не должно думать о замужствѣ.

— Вотъ вздоръ! Ты только послушай свою маманъ, она тебѣ наговоритъ съ три короба.

— Нельзя же, Вольдемаръ: если я обманываю ее во всемъ, то хотя въ этомъ случаѣ не должна послушаться.

— И ты была бы въ состояніи ожидать три года? Значить, ты не любишь меня ни наволось...

— Тебѣ это стыдно говорить, Володя!

— Ты настоящее дитя, Наташа! Три года! А если полкъ уйдетъ въ это время?

Дѣвушка задумалась.

— Я этого и не сообразила.

— Мало ли чего ты не соображаешь! Притомъ же, я просилъ бы тебя нѣсколько мѣсяцевъ таиться передъ Марьей Семеновной. Есть обстоятельства, которыхъ ты не знаешь, т. е. мои семейныя дѣла.

— Что же такое? спросила Наташа, и личико ея приняло серьезное выраженіе.

— Такъ ничего... пустяки.

— Нѣтъ, Вольдемаръ, скажи, не мучь меня.

— Видишь ли, я однажды стрѣлялся за дѣвушку, съ которою нашъ офицеръ поступилъ нехорошо.

— Какъ?

— Ну, оклеветалъ ее. Я съ нимъ дрался на дуэли и за это состою на церковномъ покаяніи. Если начну искать твоей руки, до тетушки могутъ дойти слухи. Понимаешь? мнѣ еще не окончился срокъ.

— Ахъ, Боже мой! Бѣдненькій! Такъ нечего и говорить объ этомъ.

И Наташа склонила голову на плечо Винорѣцкаго.

— Я и то боюсь, мой ангелъ, чтобъ кто изъ офицеровъ не проболтался. Оно конечно, еслибъ Марья Семеновна узнала причину дуэли, но вѣдь у старухъ своя логика: былъ дескать на дуэли, значитъ вѣтренникъ и безбожникъ.

Наташа слегка дрожала.

— Что съ тобою? тебѣ холодно?

— Нѣтъ, Володя: мнѣ пришло на мысль, что еслибъ, Боже сохрани, тебя убили!...

— Такъ ты меня любишь?

— Вотъ странный вопросъ!

— Нѣтъ, Наташа, не странный. Ты подумай, сколько времени, какъ мы знакомы, а чѣмъ ты доказала мнѣ свою любовь?

Дѣвушка взглянула на него пристально, потомъ вдаргъ

опустила глаза и покраснѣла. Винорѣцкій прижалъ ее за талию.

— Ты вѣд прочла книгу, котору намени я далъ тебѣ?

— Прочла.

— И что жь?

— Я не поняла ее хорошенько, Володя!

— Ну, не думаю... Миѣ все кажется, что у тебя есть какая-то запасная мысль.

— Скажу тебѣ одно, Вольдемаръ, что во всѣхъ книгахъ, читаемыхъ мной тайкомъ отъ маманъ, влюбленные считаютъ высшимъ блаженствомъ супружество.

— Совершенно справедливо. Но развѣ ты не замѣтила, какія иногда приходится цѣмъ преодолевать препятствія. Такъ вотъ и намъ: окончится срокъ моего церковнаго покаянія, я тотчасъ попрошу твоей руки у Марьи Семеновны. Тогда мы будемъ неразлучны.

Наташа чувствовала какой-то необыкновенный внутренній жаръ; сердце ея било ускоренную тревогу. Винорѣцкій словно угадывалъ, какой процессъ совершался въ дѣвущкѣ, и незамѣтно началъ привлекать ее къ себѣ ближе....

— Наталья Михайловна! Ау! гдѣ вы? раздался голосъ булочницы.

— Здѣсь, Домна Петровна, здѣсь!

— Пора, матушка, ко двору: не осердилась бы барыня. Да гдѣ вы тамъ, въ кустахъ что ли?

— Прощай, Володя, шепнула дѣвущка: — да пріѣзжай поскорѣе.

И въ одну секунду она очутилась на берегу озера.

Винорѣцкій нахмуренный пошелъ домой въ Бѣлокаменцы, упрекая себя, не первый разъ, въ слабости. Его озадачилъ также намекъ Наташи о женитьбѣ. Конечно, она представляла всѣ данныя для весьма интересной партіи, но мы знаемъ уже понятія Винорѣцкаго о бракѣ, и потому волокитѣ показалось страннѣмъ, откуда Наташѣ могла прійти подобная мысль въ голову. Разсчитывая на ея неопытность, онъ и эманципировалъ ее именно въ томъ направленіи, что люди создали себѣ множество предразсудковъ, къ числу которыхъ причислялъ и супружество, выставяемое имъ какъ лишнія и тяжелыя цѣпи, связывающія неразрывно. Онъ хотѣлъ привить Наташѣ убѣжденіе, что любовь требуетъ безграничной свободы и что совершеннолѣтняя

дѣвушка, точно такъ же, какъ взрослый молодой человѣкъ, не должна руководствоваться ничѣмъ, кромѣ своего инстинкта и естественнаго влеченія. Безспорно, Наташа не вполне понимала подобные принципы, хотя встрѣчала ихъ очень часто въ книгахъ, прочтенныхъ украдкой; но тамъ же гораздо рельефнѣе представлялся ей бракъ двухъ влюбленныхъ, и если супружества эти не всегда были счастливы, то все же она видѣла причины разлады, а, между тѣмъ, герой и героиня непремѣнно стремились къ браку. Въ одномъ только случаѣ, когда *онъ* и *она* были не свободны, любовь искала другаго исхода, а потому Наташѣ казалось весьма естественнымъ сблизиться съ Винорѣцкимъ посредствомъ общеупотребительнаго условія. Притомъ же надо сказать, что, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, Наташа не захотѣла признаться Винорѣцкому въ знакомствѣ своемъ съ французской беллетристикой. Сперва сдѣлала она это безъ всякаго умысла, но какъ впоследствии догадалась, что въ прочтенныхъ ею книгахъ были вещи, отъ которыхъ она безсознательно краснѣла сама передъ собою, то и разсудила не говорить до поры, до времени. Этому способствовало еще и то, что Винорѣцкій, желая поскорѣе овладѣть своей жертвой, давалъ ей тайкомъ именно тѣ самыя книги, которыя она уже читала, и старался, конечно, иносказательно, объяснять многія мѣста, бывшія для нея тайной. Винорѣцкій разсчитывалъ поддѣйствовать на воображеніе дѣвушки, которое, по его мнѣнію, должно было довести ее до извѣстныхъ результатовъ. Хотя волокита постоянно досадовалъ на себя за особенную мягкость, съ какою тянулъ канитель, однако не рѣшался поворотить дѣла круто. Интрига была слишкомъ соблазнительна для того, чтобы порѣшиться ее разомъ, не обезпечивъ себѣ отступленія. Безъ сомнѣнія, самое удобное время для исполненія замысловъ миновало: въ домѣ Балгановой не могло уже предстоять ни той свободы, ни того уединенія, что на пустынныхъ берегахъ озера Дикихъ Розъ. Но Винорѣцкаго безпокоило не это обстоятельство, а намекъ Наташи о женитьбѣ. Возвратившись въ Бѣлокаменцы и велѣвъ запретъ лошадей, онъ съ досады уѣхалъ къ своему эскадронному командиру.

Скоро выпалъ снѣгъ, и съ установившимся саннымъ путемъ уланы дѣятельнѣе начали разъѣзжать по помѣщикамъ и устраивать

вали шумныя катанья на тройкахъ, что чрезвычайно нравилось барышнямъ и молодымъ дамамъ, но вызывало кислыя улыбки на лицахъ дражайшихъ родителей и ревнивыхъ супруговъ. Въ прежнее время, Винорѣцкій любилъ пощеголять и ухорской тройкой, и санками съ медвѣжьей полостью, и красивой упряжью, а главное—удалой ѣздой, когда самъ бралъ возжи и пускалъ лошадей въ карьеръ, не обращая вниманія ни на какіе дамскіе крики. Но теперь его не видно было ни на одномъ катаньи, и хотя многимъ волокитамъ это приходилось понутру, однако дамы, наслышавшись о его подвигахъ, сгорали любопытствомъ взглянуть на прославленнаго волокиту. Новички считали себя гарантированными, если передавали своимъ возлюбленнымъ похощенія Винорѣцкаго, налегая на его вѣтренность, но какъ они не могли скрыть, что вѣтреникъ этотъ уменъ, хорошъ, образованъ и не безъ состоянія, то понятно, какое возбудилось любопытство въ околodкѣ, во первыхъ собственно о личности Винорѣцкаго, во вторыхъ объ отношеніяхъ его къ племянницѣ Балгановой. Дѣйствительно, поведеніе героя нашего было нѣсколько странно для товарищей, которые привыкли видѣть его кипучую дѣятельность на поприщѣ волокитства, такъ что иные начали уже полагать, не измѣнилъ ли Винорѣцкій своимъ принципамъ и не задумалъ ли добровольно надѣть на себя узы Гименея. Справедливость требуетъ сказать, что Винорѣцкій ни на одно еще волокитство не тратилъ столько времени и усилій, сколько израсходовалъ того и другаго на овладѣніе молоденькой, неопытной дѣвочкой. Теперь слѣдуетъ весьма естественный вопросъ: ухаживалъ ли Винорѣцкій за Наташей вслѣдствіе холоднаго расчета добиться цѣли, или имъ овладѣло болѣе сильное чувство при частыхъ свиданіяхъ съ прелестнымъ существомъ, увлеченнымъ первой любовью? Отвѣтить на это довольно трудно, потому что въ первое время Винорѣцкій и самъ не въ состояніи былъ бы дать положительнаго отвѣта. Случай въ его практикѣ вышелъ исключительный: долговременныя безуспѣшныя старанія измѣнили нѣкоторымъ образомъ характеръ волокиты, разумѣется лишь въ подробностяхъ, потому что подобныя характеры не могутъ подвергаться кореннымъ преобразованіямъ. Но, подчинясь извѣстному закону настойчивости—добиться своего, и невольно завлекаясь самъ интересной особой, Винорѣцкій отсталъ нѣсколько отъ своихъ привычекъ ухаживать за всѣми безъ разбора: онъ имѣлъ на сторонѣ только двѣ, три интрижки, и то

стараясь находить развлеченіе въ другой губерніи, куда не учащали товарищи.

Вообще жизнь волокиты проходила вяло и скучно безъ соперничества, безъ сильныхъ ощущеній, а отношенія къ Наташѣ, какъ мы уже видѣли, сложились въ какую-то путаницу. Были моменты, когда Винорѣцкій сознавалъ, что можетъ влюбиться въ неопытную дѣвушку, и тогда его тревожили весьма чело-вѣчныя стремленія; но когда онъ начиналъ приходить къ мысли, что всѣ эти радужныя мечты ведутъ прямо къ супружеству, имъ овладѣвала тоска и онъ тяготился неопредѣленными отношеніями. Бывали минуты, когда онъ готовился подать переводъ куда нибудь на Кавказъ и въ ожиданіи покончить свое волокитство блистательнымъ, по его мнѣнію, образомъ; но всѣ, кто пріѣзжалъ съ Кавказа, обыкновенно рассказывали, что въ штабахъ полковъ еще можно завести интрижку, а въ походахъ надо было отказаться отъ такого пріятнаго препровожденія времени. Людямъ, подобнымъ Винорѣцкому, словно никогда не приходитъ мысль о старости: все будущее, даже самое отдаленное, представляется имъ однимъ обширнымъ поприщемъ волокитства и безграничной свободы располагать своимъ сердцемъ по усмотрѣнію. Ужъ если Донъ-Жуанъ нашъ, при свиданіяхъ съ Наташей, зная, что кромѣ красоты и добраго сердца она принесетъ мужу еще хорошее состояніе, ни разу не подумалъ о женитьбѣ, то ему предстояло навѣкъ оставаться холостымъ или жениться вслѣдствіе какого нибудь громкаго скандала. Но Винорѣцкій послѣднее время какъ-то сталъ обращать особенное вниманіе на семейную обстановку жертвы и никогда пристально не ухаживалъ за дѣвушкой, у которой были братья или вообще заступники, способные потребовать у него какихъ нибудь щекотливыхъ объясненій. Конечно, осторожность эту Винорѣцкій соблюдалъ не изъ трусости—онъ вѣдь ставалъ у барьера—но боялся принужденной женитьбы пуще огня и избѣгалъ малѣйшаго къ ней повода. Наташа не представляла никакой опасности въ этомъ отношеніи.

Ухаживанье за «дикой розой», какъ называлъ Винорѣцкій Наташу, хоть и доставляло ему много наслажденій въ настоящемъ и сулило гораздо больше въ будущемъ, но въ это время онъ истосковался, ведя несвойственный образъ жизни, будто въ заточеніи. По утрамъ онъ ходилъ къ озеру, но для этого достаточно было двухъ или трехъ часовъ, а что же оставалось дѣ-

дать весь день и длинный осенній вечеръ молодому человѣку, привыкшему не только быть въ обществѣ, но и непремѣнно за кѣмъ нибудь ухаживать. Онъ ѣздилъ иногда къ Холдунову играть въ копѣчный бостонъ; но у Силы Ивановича вечеромъ за картами обыкновенно пили пуншъ, и хоть Винорѣцкому, изъ уваженія къ его «неопытности», подавались пунши будничные, однако мы знаемъ, каково было ихъ содержаніе. Пробовалъ волокита отправляться и въ эскадронный штабъ; но ротмистръ Гребекій, осыпавшись, какъ говорится, въ волокитствѣ за своей брюнеткой, перенесъ лагерь гораздо дальше и ухаживалъ за какой-то барышней верстахъ въ двадцати, такъ что очень рѣдко сидѣлъ дома. Было маленькое занятіе тутъ же въ штабѣ—подгадить корнету Сосулькову, который пріударялъ за поповской свояченицей; но она скоро уѣхала къ роднымъ, не успѣвъ ни покончить съ корнетомъ, ни начать съ поручикомъ. Однимъ словомъ, обстановка Винорѣцкаго начинала тяготить его, и если бы не два легкія волокитства въ другой губерніи, изъ которыхъ одно за какой-то хорошенькой вдовушкой пошло на лады, онъ не зналъ бы, куда дѣваться отъ скуки. Но, съ окончаніемъ прогулокъ на берегъ озера, когда прекратились свиданія съ Наташей, Винорѣцкому оставались только праздники, которые обыкновенно съ утра онъ проводилъ у Балгановой. Въ это время нимъ одолѣло неотразимое желаніе порѣшить свои отношенія къ «дикой розѣ», потому что на другомъ концѣ уѣзда появилась какая-то красавица-княгиня, настоящая аристократка, свернувшая голову многимъ офицерамъ, которая, какъ носилась молва, третировала армейцевъ съ высоты величія и подсмѣивалась надъ ними при каждомъ случаѣ. Винорѣцкій обыкновенно уѣзжалъ отъ Балгановой послѣ ужина, и старушка въ темныя осеннія ночи не разъ заявляла легкую боязнь, не сбился бы онъ гдѣ нибудь въ лѣсу съ дороги. Въ одинъ ненастный вечеръ, когда на дворѣ расходился ливень и Винорѣцкій послѣ ужина еще съ полчаса просидѣлъ съ Марьей Семеновной, помогая ей окончить благополучно самый трудный пасьянсъ, для чего укралъ незамѣтно одну необходимую карту, Балганова пришла въ умиленіе и предложила Винорѣцкому переночевать въ Зимницахъ. Волокита началъ было отказываться, но когда Порфирій сообщилъ, что на дворѣ льло какъ изъ ведра, Марья Семеновна рѣшительно не пустила своего гостя и велѣла приготовить ему постель въ диванной. Винорѣцкій, какъ бы нехотя, покорился своей

участи и съ тѣхъ поръ, каждый разъ бывая у Балгановой, передъ ужиномъ нарочно начиналъ раскладывать такой пасьянсъ, который никакъ не могъ скоро окончиться. Вслѣдствіе этого онъ началъ бывать въ Зимницахъ уже и не по праздникамъ, оставался ночевать, и диванная получила въ домѣ названіе комнаты Владиміра Андреича. Надобно сказать, что Марья Семеновна, узнавъ, что Винорѣцкій хорошей фамиліи и съ порядочнымъ состояніемъ, начала посматривать на него, какъ на человека, который могъ составить партію ея племянницы.

Въ концѣ января Винорѣцкій сталъ уже пропадать изъ Бѣлокаменецъ по цѣлымъ недѣлямъ, и снова его тройка сѣрыхъ и шегольскія санки съ медвѣжьей полостью появились въ вереницахъ веселыхъ катаній у окрестныхъ помѣщиковъ. Барыни и барышни увидѣли наконецъ красавца-поручика, который, словно страхнувъ съ себя цѣпи, вырвался на свободу и привелъ въ разстройство нѣсколько интригъ, завязавшихся, повидимому, прочно между товарищами и хорошенькими помѣщицами. Очутясь въ своей сферѣ и желая вознаградить потерянное время, Винорѣцкій пустилъ въ ходъ давнишнюю свою тактику, т. е. стараясь овладѣть вниманіемъ всѣхъ интересныхъ.

Было морозное утро. Къ квартирѣ Винорѣцкаго подлетѣла тройка гнѣдыхъ и изъ санокъ вылѣзъ ротмистръ Гребецкій, закутанный въ снотовую шубу. Изъ сѣней выбѣжалъ слуга.

— Баринъ дома?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Гдѣ же онъ?

— Если прикажете, я пошлю верхомъ.

— Значитъ, недалеко.

Слуга улыбнулся.

— Понимаю. Ну, посылай. Скажи, молъ, дѣло очень спѣшное.

— Не прикажете ли самоваръ?

— И въ самомъ дѣлѣ, пока пріѣдетъ Владиміръ Андреевичъ, я успѣю напиться чаю.

И Гребецкій вошелъ въ квартиру поручика. Крестьянская чистая хата была убрана, какъ обыкновенно у достаточнаго офицера: полъ устланъ попонками, на стѣнахъ прибиты ковры, кое-гдѣ повѣшены гравюры, на столѣ разложены и разставлены разныя бездѣлки. Большая черная собака лежала свернувшись на постели, застланной красивымъ шелковымъ одеяломъ,

и привѣтствовала ротмистра, какъ стараго знакомаго. Солнце сквозь небольшія окна наполняло яркимъ свѣтомъ хату и било прямо въ большое зеркало, привѣшенное надъ кроватью, отчего внутренность избы представлялась въ радужныхъ отливахъ. Вся утварь Винорѣцкаго давно была извѣстна ротмистру, который, однакожь, въ ожиданіи чаю не могъ не остановиться и не заду-маться надъ ящикомъ со стеклянной крышкою. Это, какъ называлъ Винорѣцкій, была «хронологія его сердца». Внутри ящика лежали разныя вещицы, принадлежавшія особамъ, за кѣмъ онъ ухаживалъ, начиная отъ кухни — предмета первой страсти — и оканчивая уже не Наташей, а хорошенькой вдовушкой, отъ которой онъ пріобрѣлъ знакъ памяти. Здѣсь лежали и носовыя платки, и булавки, и сережки, лорнетки, ленты, цвѣты искусственные и натуральные, перчатки, лоскутки матерій, кораллы и наконецъ два-три башмака, изъ которыхъ одинъ порядочной величины, подававшій поводъ къ легкимъ насмѣшкамъ товарищей. Винорѣцкій держалъ эти воспоминанія не потому, что они были ему дорогі, какъ свидѣтели забытыхъ наслажденій, не потому, чтобы порой, переносясь въ прошлое, онъ припоминалъ тотъ или другой эпизодъ изъ своей кочевой жизни, но единственно съ цѣлю похвастать многочисленными побѣдами и рассказать подѣ-часъ пріятелямъ какую нибудь свою выходку, прервавшую иногда довольно скучное волокитство. Въ этихъ воспоминаніяхъ, впрочемъ, было много драматическаго, потому что если не всѣ женщины, то многія любили Винорѣцкаго и, разумѣется, вѣря въ его искренность, вправѣ были рассчитывать на благородство его исканій. Встрѣчались даже такія, которыя послѣ самаго горькаго урока, стоившаго имъ обильныхъ слезъ, а порой и самыхъ тяжелыхъ непріятностей въ семействѣ, не переставали питать безнадежную любовь къ «очаровательному Вольдемару» и долго втихомолку слѣдили за его судьбой, пока не уходилъ онъ съ полкомъ за тридцать земель, къ новымъ побѣдамъ, увлекая, впрочемъ, весьма пылкихъ особъ и во время похода. Гребцкій не разъ видѣлъ эту «хронологію сердца» и зналъ много эпизодовъ изъ походовъ поручика, но никогда не могъ безъ зависти смотрѣть на столько доказательствъ любви, и, сравнивая свои побѣды, даже и тѣ, которыя онъ присочинялъ для товарищей и которыя по давности лѣтъ пріобрѣли право на дѣйствительное существованіе, онъ не могъ насчитать и четвертой доли. А цисемъ у Винорѣцкаго, начиная отъ кара-

кулекъ, посаженныхъ на бумагу неловкой рукой необразованной барышни, до мелкаго французскаго почерка, было, по крайней мѣрѣ, около двухсотъ, и все это помѣчено въ хронологическомъ порядкѣ, даже съ комментаріями. Нѣсколько изъ нихъ, такъ же, какъ и два, три сувенира, перевязаны были черными ленточками — признакъ траура по умершимъ красавицамъ. Двухъ послѣднихъ сувенировъ не зналъ, однакожъ, ротмистръ, именно голубаго бантика отъ платья и крошечной шолковой ботинки, и приписывалъ подарки «дикой розѣ», какъ называлъ Винорѣцкій Наташу въ нѣжныхъ разговорахъ съ товарищами.

Пославъ гонца въ Зимницы за бариномъ, слуга очень скоро приготовилъ самоваръ, и Гребецкій усѣлся пить чай, въ ожиданіи поручика, который не замедлилъ явиться на зовъ своего эскадроннаго командира.

— Извините, Владиміръ Андреевичъ, что васъ потревожилъ, сказалъ ротмистръ.

— Э, полноте, очень радъ.

— Гдѣ ужъ тамъ радъ!

— Безъ шутокъ, Петръ Степановичъ: мнѣ уже надоѣла «дикая роза», и я неврочь освѣжиться.

— Вотъ какъ! Вы же говорите: красавица.

— И всякій это скажетъ; но большая разница смотрѣть на дѣвушку издали и быть съ ней въ болѣе близкихъ отношеніяхъ.

— А что?

Винорѣцкій засмѣялся.

— Мало ли что бываетъ... Объ этомъ когда нибудь поелѣ. Но позвольте, и я за компанію напьюсь чаю. Эй, Филатка, налей мнѣ стакашъ, да покрѣче. Ну-съ, Петръ Степановичъ, вы по службѣ?

— По дѣламъ сердца.

— Тѣмъ пріятнѣе. Чѣмъ же могу служить?

И Винорѣцкій весело принялся прихлебывать чай, покуривая трехрублевый жуковъ.

— У насъ, у моей то есть барышни, затѣвается катанье.

— Значить, вы пріѣхали за мною.

— Разумѣется. Но дѣло вотъ въ чемъ: моя тройка послѣдній разъ пописалась очень некрасиво.

— Не хотите ли мою?

— Все ее знаютъ. Нѣтъ, я хочу попросить у Холдунова,

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, у него кони что называется «урви да подай» и больше стоятъ безъ дѣла на конюшнѣ.

— Я непрочь бы и купить.

— Ну, это врядъ ли; а дня на три онъ для васъ не откажетъ.

— Какая, впрочемъ, найдетъ полоса на него. Я, однакожь, на всякій случай, велѣлъ завернуть въ старую шубу полдюжины рюш и столько же мадеры, и хоть невѣжливо ѣхать въ гости со своимъ угощеніемъ, но мы какънибудь надуемъ Силу Ивановича: скажемъ, напримѣръ, что я ѣду изъ города. Я сперва думалъ было пригласить его къ себѣ; но вы знаете, какъ онъ не любитъ разставаться со своимъ халатомъ.

— Что же тамъ, у вашей барышни, семейный праздникъ какойнибудь?

— День ея рожденія. Ну, родителей и хотятъ потѣшить баловищу-дочку. Катанье-то придумалъ я. Кавалеръ долженъ имѣть собственную тройку, а дамы по жребію.

— Отлично. Разумѣется, жребій выпадетъ вамъ по адресу.

— Конечно, такъ. Но вы себѣ не можете представить, какая охотница до лошадей моя Катись. Видите ли, у насъ дѣло на полупризнаніяхъ. Когда я сообщилъ ей мысль о катаньѣ, она такъ нѣжно посмотрѣла на меня, что я подумалъ, вотъ добыю взаимности. Началъ я, знаете, такъ издали, а она, правда, покраснѣла и говорить: «если на катаньѣ перегонимъ всѣхъ, тогда скажу», и убѣжала.

— Счастливецъ! Ну, мнѣ кажется, здѣсь нечего прибѣгать къ Холдунову: всѣ постараются отстать.

— Этого не говорите: за моей Катись порядочный хвостъ обожателей. Поручикъ Лазѣйкинъ даже коренника перемѣнилъ, а корнетъ Ландаровъ купилъ новую тройку у ремонтера.

— Въ такомъ случаѣ, возьмите у Силы Ивановича, а кромѣ того я постараюсь устранить всякія препятствія. Положитесь только на меня, а ужъ мы съумѣемъ оттереть всѣхъ этихъ обожателей.

— Благодарю васъ, Владиміръ Андреевичъ, и надѣюсь на ваше расположеніе. Ну, такъ ѣдемъ къ Холдунову что ли?

— Я готовъ. Да вы велите распречь своихъ: вѣдь намъ надобно же завъхать обратно въ Бѣлокаменцы.

— Но знайте, что мы отправляемся дней на нѣсколько: отъ Катись прямо на балъ къ Федяевымъ, а тамъ не меньше двухъ сутокъ, слѣдовательно вы, можетъ быть....

— Говорю вамъ откровенно, Петръ Степановичъ, что я радъ всякому развлеченію: вѣдь посудите, возлѣ одной цѣлыхъ три мѣсяца. Когда же это со мной бывало!

— Брависсимо!

Черезъ часъ товарищи подѣзжали къ квартирѣ Холдунова, въ дорогѣ придумывая маневры, какъ бы добыть у него тройку, потому что Сила Ивановичъ хоть и не любилъ выѣзжать, однако берегъ своихъ лошадокъ и холилъ гораздо больше казенныхъ.

Сила Ивановичъ, предпринявшій въ то утро путешествіе изъ Одессы въ Кишиневъ и сидя въ совершенномъ одиночествѣ, дымилъ свою заветную трубку, рассчитывая по дорожнику, остановиться ли ему въ Кишиневѣ, или слѣдовать дальше до молдавской границы. Лицо его выражало какую-то весьма непріятную задумчивость, и видно было, что его тревожила упорная дума. Колотушка тоже стоялъ съ невеселой физиономіей; правая щека, которая была нѣсколько выше и краснѣе лѣвой, доказывала, что между нимъ и Холдуновымъ произошли какія нибудь домашнія недоразумѣнія.

— Ба, ба! проговорилъ Сила Ивановичъ, завидя гостей: — какими судьбами? Очень радъ.

— Да вотъ, по дорогѣ.

— Садитесь! Водки! Колотушка, анаема, не знаешь своего дѣла, что ли?

— Да вы не торопитесь, Сила Ивановичъ, сказалъ Гребецкій: — еще успѣемъ.

— Чортъ знаетъ, господа, какая непріятность! началъ Холдуновъ.

— Что такое? спросили оба гостя съ участіемъ.

— Видите эту рожу, говорилъ Сила Ивановичъ, указывая на деньщика: — вчера не изволил мнѣ, подлець, сказать, что ромуловскій на выходѣ, и объявилъ только сегодня. А у меня такая сверная натура: я пуншъ пью послѣ обѣда, и если не пропущу стакана, значить на другой день болѣнъ. Теперь извольте себѣ представить положеніе—городъ въ сорока верстахъ: когда же возвратится мой посланный! Я хотѣлъ сейчасъ посылать къ тебѣ, Гребецкій, потому что на несчастіе мой ближайшій сосѣдъ «парле франсе» и у него врядъ ли есть и сантуринаскаго бутылка.

— Какое счастливое стеченіе обстоятельствъ, Сила Ива-

новичъ! сказалъ Гребецкій:—я ѣду изъ города и какъ нарочно сдѣлалъ запасъ вина и рому.

— Какъ? спросилъ Холдуновъ, вскакивая съ мѣста:— и все это съ тобою?

— Въ санкахъ.

— Ура! Ну, молись Богу, подлець, сказалъ Холдуновъ Колотушкѣ:—а то не весело было бы тебѣ.

— Пожалуйста, Сила Ивановичъ, прикажите внести бутылки.

— То есть ты мнѣ уступишь.

— Нѣтъ, это будетъ не по уланской совѣсти: я тебя угощаю.

— Ой ли! Да какъ же! Ты, братъ, вѣдь выжига: вѣрно, хочешь какъ нибудь надуть Силу....

Гребецкій немного сконфузился.

— Зачѣмъ же надувать, сказалъ онъ:— дѣйствительно, у меня есть просьба, только безъ всякой надуванціи, — просьба товарища.

— Видишь, я угадалъ!

— Но, во всякомъ случаѣ, бери и пей ромъ на здоровье. Я пожалуй помогу.

— Мнѣ и питье будетъ неохотно, пока не узнаю, въ чемъ дѣло: такая ужъ у меня натура.

— Э, вздоръ какой!

Въ это время Колотушка, вѣрный своему обычаю, прозвонилъ. Холдуновъ быстро оборотился.

— Приѣхали въ Бендеры, ваше благородіе!

— А! ну, дѣло.

Сила Ивановичъ пропустилъ рюмку, крикнулъ и предложилъ товарищамъ.

— А ромъ? спросилъ онъ у деньщика.

— И ромъ и вино приняты; но мы ихъ не вносили въ теплую комнату съ морозу, а сперва поставили въ сѣняхъ въ кадку съ водой.

— Умно. Только, знаешь, братъ Колотушка, не мѣшало бы проѣхать до Кишинева на курьерскихъ: мнѣ и обѣдать хочется, и ромуловскій прибылъ. А каковъ—бѣлый или красный?

— Бѣлый, отозвался Гребецкій, который очень хорошо зналъ вкусъ Холдунова.

— Развѣ не прокатить ли мимо станціи, Сила Ивановичъ? спросилъ Колотушка.

— Оно можно бы и прокатить, да вѣдь ребятъ все равно

съ обѣдомъ ожидать надобно. Нѣтъ, ужь лучше дождемъ до Кишинева честнымъ образомъ. Маршъ на кухню и вели побольше бятковъ приготовить.

— Мы нашли еще, ваше благородіе, пару бутылокъ шампанскаго.

— Какъ?

— Да я привезъ и шампанскаго, сказалъ Гребецкій.

Холдуновъ уставилъ на него глаза.

— И впрямь, Петруха, сказалъ онъ: — ты затѣваешь какую нибудь каверзу. Маршъ, Колотушка!

Деньщикъ вышелъ.

— Ну-съ, обратился Холдуновъ къ Гребецкому: — съ чѣмъ вы подѣхали, Петръ Степановичъ?

— Вы не подумайте чего нибудь худаго, въ самомъ дѣлѣ, виѣшался Винорѣцкій: — вещь очень простая.

— Не хотите ли вы, верхолизы, помѣняться стоянкой? Шалишь!

— Нѣтъ, Сила Ивановичъ, я хочу просить тебя объ одномъ одолженіи, котораго никогда не забуду.

— Кой чортъ! тебѣ деньги нужны? проигрался что ли?

— Деньги есть. А вотъ ты одолжи мнѣ своей тройки денъга на четыре.

— Какъ? Чт-о-о?

Гребецкій повторилъ.

— Моей тройки? Это что за исторія? Похвастать, небось, захотѣлось.

— Дѣло вышло такое, Холдуновъ, а я знаю, что въ полку нѣтъ быстрѣе твоей тройки.

— Еще бы! Но я, Гребецкій, въ толкъ не возьму....

— Долго тебѣ рассказывать. Однимъ словомъ, мнѣ необходимы твои лошади, чтобъ не лишиться блаженства....

— Эхъ, вы, юбочники! Понимаю. Только надѣюсь, ты знаешь, что я своихъ лошадей не дамъ и отцу родному.

— Знаю.

— Что я ночью иногда иду на конюшню смотрѣть, все ли въ порядкѣ и есть ли свѣжая подстилка.

— Но тебя просить товарищъ.

— Во первыхъ.... Но прежде постой, Расскажи, что будешь дѣлать съ моей тройкой?

— Лошади твои пойдутъ отсюда шагомъ къ мѣсту верстъ

за тридцать, тамъ отдохнуть, и только одинъ разъ возьму я ихъ на катанье, а потомъ отпущу.

— Это еще небольшая бѣда,—разумѣется, съ моимъ кучеромъ. Но кто же на нихъ будетъ кататься? ты что ли?

— Я.

— И онъ? спросилъ Сила Ивановичъ, указывая на Винорѣцкаго.

— Нѣтъ, Холдуновъ, со мною поѣдетъ прелестное, неземное созданіе.

Сила Ивановичъ вскочилъ съ мѣста.

— Какъ, на моихъ сѣрыхъ поѣдетъ юбка? И ты, Гребецкій, рѣшился мнѣ сдѣлать подобное предложеніе! Нѣтъ, лучше я не буду пить пуншу до вечера, не хочу твоего рому.

— А ромъ-то заграничный, Сила Ивановичъ! замѣтилъ Винорѣцкій.

— Варвары! Что же вы со мною дѣлаете?

— Да полно, Холдуновъ, ребячиться: ужь если ты боишься женщинъ, я запрягу свои санки.

— Не въ санкахъ дѣло. Но какъ я могу освоиться съ мыслью, что на холдуновской тройкѣ поѣдетъ баба. Вы же мнѣ послѣ глаза высмѣете.

— Даю тебѣ честное слово, что лошади будутъ сбережены такъ же, какъ и у тебя дома. Вѣдь онѣ стоятъ по недѣлямъ, и не мѣшаютъ ихъ проѣздить.

— Это правда; но какъ же имъ возить бабу? Вотъ гдѣ срамъ-то! Да тебя уже слишкомъ забрало, что ли?

— Врѣзался, братъ, по уши.

— Нуя ты, какъ я вижу. Однако, сказать правду, я не расположенъ исполнить твою просьбу.

— Какъ хочешь. Больше просить не буду, сказалъ Гребецкій:—ужь если отказываешь товарищу, который съ поручичьяго чина друженъ съ тобой, значить лошади для тебя дороже.

— Эхъ, Петруха, неразумная голова твоя! Какъ ты не хочешь понять, что Холдунову честь дороже всего на свѣтѣ.

— Я не понимаю, какое тутъ отношеніе къ твоей чести.

— Отношеніе! На моей тройкѣ публично поѣдетъ баба, и еще, можетъ быть, не одна, а двѣ....

— Во первыхъ, одна; во вторыхъ, если бы ты увидѣлъ....

— Мало ли я ихъ видѣлъ! Хоть бы писаная красавица — однимъ словомъ, юбка — вотъ и все.

- Ну, если нельзя—и толковать нечего. Ёдемъ, Винорѣцкій!
- Какъ, а объѣдать?
- Пообѣдаемъ у меня.
- А ромъ?
- Можешь оставить у себя—я своему слову невольникъ.
- Эхъ, Петруха, погибшая твоя голова, какъ вижу.... Да неужели непремѣнно необходима моя тройка?
- Еслибъ не нужна, кто и просиль бы....
- И на какой чортъ сажать бабу! Развѣ нельзя прокатиться одному?
- Какая же охота одному, когда вся исторія въ томъ, что-бы прокатиться самъ другъ!
- А что скажутъ въ полку?
- Ничего не скажутъ.
- Холдуновъ протянулъ руку.
- Ну, садись, чортъ съ тобой. Только послѣ катанья лошадей отправляй назадъ, а сегодня выпьемъ....
- Это можно. Спасибо, Сила: ты сдѣлалъ меня счастливымъ человекомъ.

Въ это время Колотушка прозвонилъ. Холдуновъ выпилъ и крикнулъ.

- А ромъ-то весь бѣлый, ваше благородіе! сказалъ деньщикъ.
- Знаю и безъ тебя. Самоваръ приготовъ: видишь, у насъ будничныи пуншъ будетъ... Да какъ же, Гребецкій, на моихъ лошадяхъ такъ и поѣдетъ юбка?
- Просто сядетъ и поѣдетъ.
- Стыдъ какой! Вотъ тебѣ честное слово, что никому изъ офицеровъ, даже полковнику, не далъ бы своей тройки. Но вѣдь ты, Петруха, всегда былъ мнѣ пріятелемъ. Какъ вспомню, сколько мы разъ пивали съ тобой и чего только не перепили въ своей жизни!...
- Да, Холдуновъ, нѣтъ, я думаю, такого напитка, котораго бы мы не отвѣдывали.
- Этого мало: какъ были помоложе, помнишь, какія изобрѣтали микстуры, ха, ха, ха! Значить, мои ребята будутъ пить сегодня праздничные и торжественные, а мы съ тобой холдуновскіе.
- Идетъ.
- А послѣ въ бостончикъ.
- Гдѣ же, братъ, въ бостончикъ! Ты вели тройкѣ ѣхать

ко мнѣ въ эскадронъ, я распоряджусь, да на ночь и сами выйдемъ.

— Вона! А развѣ нельзя отъ меня?

— Никакъ нельзя. Но если ты хочешь кутнуть на порядкахъ, то послѣ бала я задамъ у себя выпивку.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ на конюшню и посмотримъ на моихъ анаемъ. Да послушай, Гребецкій, я говорю серьезно, нельзя ли, чтобъ на нихъ не ѣздили бабы.

— Какой ты забавный, Холдуновъ! Забралъ себѣ чортъ знаетъ что въ голову, и пошла писать! Вѣдь послушай, если на то пошло, смотри, чтобъ не вывелъ на чистую воду.

— Я вообще чистой воды терпѣть не могу.

— А помнишь, Сила, какъ въ Орловской губерніи ухаживалъ за купчихой?

Сила Ивановичъ улыбнулся.

— Да вѣдь она была такая толстая, жирная, сказалъ онъ.

— Не въ томъ дѣло, а все-таки баба: значить, ты не всегда смотрѣлъ на женщину такими глазами, какъ теперь.

— Еще бы ты видѣлъ меня мальчикомъ, когда не позволяли пить ни вина, ни водки. Молодость, братецъ, совѣмъ другое.

Въ задорной юности моей

Я былъ жрецомъ прелестныхъ грацій,

Рогами украшалъ мужей...

— Ну, это ужъ для краснаго словца: ты никогда не былъ ходокомъ по этой части.

— Ей Богу, правда, Винорѣцкій, никогда не былъ ходокомъ, замѣтилъ Холдуновъ и засмѣялся.— Скажи-ка мнѣ, Петруха, или лучше ты, оберъ-гофъ-волокиста, отчего теперь не слышно новыхъ стиховъ, знаешь, нашихъ, которые не стыдно было бы продекламировать въ квартирѣ Холдунова?

— Какъ не быть.

— Разумѣется, нѣтъ. Я поручаю своимъ ребятамъ, однако достаютъ лишь то, что мы давно знаемъ наизусть.

— Теперь много стиховъ, разверни любой альманахъ, замѣтилъ Гребецкій.

— Эти, братъ, все по твоей части, а нѣтъ ничего торжественнаго, или, лучше сказать, холдуновскаго.

— А помнишь, Сила, ты вѣдь разъ въ жизни написалъ стихи собственнаго сочиненія въ альбомъ женѣ прежняго полковаго командира.

— Какъ? спросилъ Винорѣцкій: — Сила Ивановичъ написалъ стихи, да еще въ альбомъ женщинѣ, и никто не знаетъ объ этомъ!

— Это была совсѣмъ не женщина, сказалъ Холдуновъ: — т. е. нисколько не походила на бабу.

— Но вѣдь она же была и не мужчина.

— Эхъ, юбочники вы, юбочники! Вѣдь наша полковница стрѣляла изъ пистолета чуть ли не лучше всѣхъ офицеровъ, метала банкъ до разсвѣта, а пунши приготавливала и варила жженку чортъ знаетъ какъ вкусно.

— Вы не помните этихъ стиховъ, «Петръ Степановичъ?» спросилъ Винорѣцкій.

— Какъ не помнить.

— Оставь, братъ Петруха!

— По какому же случаю Сила Ивановичъ написалъ?

— На прощанье полковницѣ. У насъ былъ одинъ поручикъ большой стихотворецъ: онъ купилъ альбомъ и сварганилъ ей на отъѣздъ цѣлую оду. Послѣ этого полковница просила всѣхъ офицеровъ написать что нибудь на память. Я тоже смастерилъ ей стишки, сказалъ Гребецкій.

— Помню, отозвался Холдуновъ: — съ амурами, зефирами и разной другой чертовщиной.

— Надо же было придумать что нибудь.

— То-то надо. Ко мнѣ самому пристала словно съ ножомъ къ горлу, ну я и наваялъ. Хотѣлъ было написать что нибудь чужое, да я знаю наизусть только самые забубенные стихи.

Гребецкій въ это время задумался.

— Вотъ что написалъ Сила Ивановичъ, сказалъ онъ:

«Юноны ваши тамъ и Цереры
По моему пустой наборъ словъ;
Боюсь я только одной Венеры,
А живу для службы, рому и мадеры.
Поручикъ Сила Холдуновъ.»

— Bravo, Сила Ивановичъ! Великолѣпно!

— Какъ умѣлъ, братъ, такъ и написалъ. Ну теперь пойдемъ на конюшню посмотреть сѣряковъ. Да что жъ это запропастился Колотушка! Эй!

— Чего изволите?

— Что же, подлець, неужто до самаго обѣда будемъ тащиться до Кишинева?

— А вотъ остался одинъ перегонъ, ваше благородіе!

Деньщикъ прозвонилъ, Холдуновъ выпилъ, предложилъ товарищамъ, и всѣ вышли изъ хаты, но не прямо на конюшню, а прежде обозрѣли въ сѣняхъ бутылки, опущенныя въ кадку съ водою.

Такъ какъ волокитство Гребцакаго не относится прямо къ нашему разсказу, то мы опустимъ подробное описаніе знаменитаго катанья, но скажемъ, что главнымъ героемъ этого и всѣхъ послѣдующихъ увеселеній былъ нашъ Донъ-Жуанъ, который доказывалъ чудеса своего искусства, возведеннаго имъ до степени совершенства. Завлеченный новыни сюжетами, Винорѣцкій поѣхалъ отъ помѣщика къ помѣщику и не только отсталъ отъ своего эскадроннаго командира, но позабылъ даже о существованіи Наташи, къ которой онъ чувствовалъ уже своего рода охлажденіе, свойственное ему тотчасъ послѣ счастливой развязки какого бы то ни было волокитства. Двѣ хорошенькія дѣвушки, сразу показавшія ему благосклонность, довели Винорѣцкаго до его нормальнаго положенія, и онъ кинулся въ сферу прежняго образа жизни, посулившаго ему новыя удовольствія послѣ заточенія въ Бѣлокаменцахъ. Но, кромѣ завязавшихся легкихъ интригъ, его манила вновь пріѣзжая княгиня, съ которой ему хотѣлось познакомиться и, во что бы то ни стало, овладѣть недоступной аристократкой.

Пробывъ, однакожь, не болѣе недѣли въ отсутствіи, Винорѣцкій волей-неволей долженъ былъ возвратиться во взводъ, потому что, какъ мы выше замѣтили, офицеры — скаго полка, несмотря ни на какія развлеченія, не любили манкировать службой и постоянно держались этого правила. Последнее пребываніе его у помѣщика Лыкова было верстахъ въ сорока отъ Бѣлокаменецъ, и онъ выѣхалъ домой тотчасъ послѣ обѣда, въ сумерки, рассчитывая попасть во взводъ еще довольно рано, чтобъ отдохнуть отъ бессонныхъ ночей и отъ безтолковаго образа жизни во время кочевки въ теченіе цѣлой недѣли. Почти на половинѣ дороги была деревня возлюбленной его эскадроннаго командира; однако онъ рѣшился не заѣзжать, а слѣдовать прямо въ Бѣлокаменцы. Весь тотъ день былъ солнечный; но когда Винорѣцкій выѣхалъ отъ Лыкова за околицу, горизонтъ затянуло темной зловѣщей тучей, и постоянно усиливавшійся вѣтеръ свисталъ по пустынному пространству степи. Повреме-

намъ срывалась такъ называемая низовая мятель и поперечными полосами снѣга засыпала дорогу. Кучеръ обратилъ на это вниманіе барина; но тотъ, закутавшись въ широкую шубу, выругалъ его и велѣлъ прибавить рыси. Не прошло полчаса, какъ тучи надвинулись и густой мелкій снѣжокъ началъ скрывать отъ глазъ торчавшіе по сторонамъ стоги сѣна и небольшія отдѣльныя рощицы. Но дорога была очень хорошо укатана, и лошади бѣжали бодро, пофыркивая и прядая ушами. Вдругъ стемнѣло, разыгралась мятель низовая и верховая, степь покрылась сплошной бѣлой массой, снѣгъ залѣплялъ глаза, и скоро кучеръ остановился, доложивъ, что потерялъ дорогу. Конечно, особенно пугаться было нечего, потому что въ Малороссіи не такъ скоро можно погибнуть въ самую злую мятель, принявъ во вниманіе и частые стоги сѣна, подъ которыми можно расположиться на ночлегъ, и рощи, и наконецъ рѣчки, вдоль которыхъ доберешься до какого нибудь жилья; но, во всякомъ случаѣ, неприятно оставаться до разсвѣта, а иногда и весь слѣдующій день въ полѣ безъ пищи и, пожалуй, наткнувшись на стаю волковъ. Сообразивъ все это, Винорѣцкій, послѣ неудачныхъ попытокъ кучера отыскать дорогу, велѣлъ ѣхать наблюдая, чтобъ вѣтеръ приходился въ правую сторону, надѣясь, такимъ образомъ, выѣхать къ рѣкѣ и попасть въ одно изъ береговыхъ селеній. Но обыкновенно во время сильныхъ мятелей вѣтеръ быстро перемѣняетъ направленіе, и потому очень скоро путники побрели шагомъ на произволь судьбы, осыпаемые со всѣхъ сторонъ тучами снѣгу. Винорѣцкій рѣшился уже было остановиться у первой скирды, зажечь ее и, такимъ образомъ, дожидаться утра; но, какъ только подѣзжалъ къ сѣну, ему почему-то казалось, что недалеко селеніе. Наконецъ, часовъ около восьми, когда ураганъ принялъ ужасающіе размѣры и морозъ началъ вдругъ быстро крѣпчать, Винорѣцкій отказался уже отъ всякой надежды ночевать въ крестьянской избѣ и приказалъ остановиться у перваго же стога, находя большимъ рискомъ подвигаться на авось и попасть въ какой нибудь оврагъ, гдѣ уже, конечно, немудрено погибнуть. Лошади едва шли, увязая въ глубокомъ снѣгѣ, что подало кучеру поводъ сдѣлать заключеніе, не вступили ли они въ какую нибудь долину и не лучше ли возвратиться къ стогу, оставшемуся саженьяхъ во ста. Но возвращеніе было невысказимо, потому что слѣдъ заматался ту же минуту. Въ моментъ этого печальнаго

раздумья, впереди словно блеснулъ свѣтъ и тотчасъ же исчезъ, затопленный пѣдой массой снѣгу, закружившейся передъ лошадьми съ такой силой, что тройка остановилась, а кучеръ и баринъ должны были, закрывъ глаза, отворотиться. Послѣ жестокаго порыва наступило, однакожь, нѣсколько секундъ тишины, и Винорѣцкій явственно разглядѣлъ впереди свѣтъ, а до слуха его долетѣлъ близкій лай собакъ, и хотя ураганъ снова расходился съ большою силою, однако сосѣдство деревни или какого нибудь жилья не подлежало сомнѣнію.

— Ну, слава Богу, Владимиръ Андреечъ, сказалъ кучеръ: — отлегло отъ сердца.

— Держи только, Макаръ, немного правѣе, и мы переночуемъ не въ открытомъ полѣ.

Лошади тоже поняли минованье опасности и бодрѣе пошли по глубокимъ сугробамъ снѣга. Черезъ нѣсколько минутъ замелькали яркіе огни, и цѣлая стая псовъ съ неистовымъ лаемъ привѣтствовала заблудившихся путниковъ. Санки неожиданно очутились среди двора, между нѣсколькихъ экипажей и прямо противъ цѣлаго ряда освѣщенныхъ оконъ, за которыми слышны были глухіе звуки музыки. Оставалось только освѣδοмяться, куда занесла судьба, и просить гостепріимства. Изъ флигеля отворилась дверь, и двѣ женщины, закутавши головы, побѣжали въ домъ по направленію къ боковому крыльцу. Винорѣцкій остановилъ ихъ и узналъ, что онъ въ казенномъ селѣ Дорошовкѣ, во дворѣ благочиннаго, и попалъ на свадьбу къ отцу Демьяну, который выдавалъ старшую дочь за богослова. Хотя искать ночлега въ другомъ мѣстѣ и не представляло затрудненій, однако Винорѣцкій, сообразивъ, что онъ найдетъ и стаканъ чаю, и ужинъ, и, можетъ быть, какое нибудь волокитство, рѣшился захватить къ благочинному, а послѣ уже, въ случаѣ надобности, покормивъ лошадей, поищеть себѣ квартиры. Съ этою цѣлю онъ поручилъ работницамъ идти къ батюшкѣ и сказать, что офицеръ, сбившійся съ дороги, проситъ позволенія обогрѣться. Не прошло и трехъ минутъ, какъ на порогѣ показался сѣдой старикъ и радушно просилъ офицера посѣтить домъ его въ самый счастливый день его жизни.

— Вы пожалуйте въ комнаты, а лошадей уберутъ и кучеръ обогрѣется.

Винорѣцкій разсыпался въ изъявленіи признательности и хоть былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, но, рассчитывая на неза-

тѣйливое общество у священника въ казенномъ селеніи, не стѣснялся неприличіемъ своего туалета.

Въ довольно просторномъ домикѣ отца Демьяна собралось множество гостей, состоявшихъ преимущественно изъ особъ духовнаго званія обоего пола, и пиръ шелъ горой, потому что благочинный выдавалъ замужъ любимую дочку. Въ большой комнатѣ шли танцы, въ другихъ батюшки играли въ карты и пили пуншъ, а матушки чаевали или, сложа чинно руки, разсуждали о чужихъ дѣлахъ, но тѣ и другія выходили въ залу полюбоваться дѣтками. Поповенъ наѣхало довольно, а въ кавалерахъ чувствовался большой недостатокъ: всего было три канцеляриста изъ уѣзднаго города, женихъ и еще одинъ богословъ, такъ что на одного танцора приходилось, по крайней мѣрѣ, по три дамы. Худошавый, долговязый канцеляристъ, служившій нѣкоторое время въ губернскомъ правленіи и какъ человекъ, выдавшій больше свѣта, заправлялъ танцами, формируя то кадрили, то экосезы. Кавалеры кое-какъ исполняли свои обязанности, но дамы просто топтались на мѣстѣ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о танцахъ, и долговязый канцеляристъ тутъ же давалъ имъ уроки. Бѣдняку было много работы и съ музыкантами, мѣстными виртуозами, которые, на крестьянскихъ свадьбахъ мастера своего дѣла, здѣсь знали одинъ экосезъ и кое-какъ пилили «вальсъ сумасшедшаго», гдѣ-то случайно выученный. При такомъ убогомъ репертуарѣ распорядитель танцевъ ухитрялся, однакожъ, сочинять свои «кадрели», состоявшія въ ту эпоху изъ одного вальса и требовавшія только четыре пары. Французская кадриль только еще начинала входить въ употребленіе, но ее танцовали не вездѣ и въ высшемъ кругу, такъ какъ для этого требовалось изучить разныя, довольно трудныя, па, которыя выдѣлывались тогда со всею акуратностію. Когда пробѣжала молва о пріѣздѣ офицера, общество молодежи ожилилось, рассчитывая на прибавку лишняго кавалера, а многія поповны поспѣшили подбѣжать къ зеркалу и привести въ порядокъ свои незатѣйливые туалеты.

Войдя въ залу и раскланявшись съ гостями, Винорѣцкій быстрымъ взоромъ окинулъ общество, въ которомъ, какъ и слѣдовало ожидать, увидѣлъ длиннополые сюртуки и мѣшковатыя платья безъ талій, въ атмосферѣ свѣчнаго сала, винныхъ испареній и грошовой московской помады. Изъ передней выглядывали три музыканта въ однихъ рубашкахъ, а по всѣмъ направ-

леніямъ бѣгали кучи дѣтей, подышавшихъ возню и разводимыхъ родителями или старшими въ семействѣ. Но вотъ онъ пристально взглянулъ на правый уголъ — и не вѣрилъ себѣ; онъ даже протеръ глаза, полагая, что послѣ мятели ему Богъ знаетъ что померещилось. Въ углу сидѣла молодая особа лѣтъ двадцатидвухъ, трехъ, въ изящномъ костюмѣ послѣдней моды, въ цвѣтахъ, въ щегольскихъ парижскихъ перчаткахъ и граціозно прохлаждала себя небольшимъ перламутровымъ вѣеромъ. Возлѣ нея, въ почтительномъ положеніи, стояли хозяйка и женихъ, первая держа на подносѣ чашку чаю, а послѣдній подавая на тарелкѣ сухіе крендели. Отецъ Демьянъ, расталкивая молодежь, повелъ Винорѣцкаго прямо къ этой особѣ.

— Вотъ, ваше сіятельство, сказалъ онъ:—Господь послалъ намъ еще одного гостя.

Поручикъ отрекомендовался, недоумѣвая, въ какой край онъ попалъ и въ присутствіи какого сіятельства очутился.

— Я очень много слышала о васъ, проговорила молодая особа пѣвучимъ голосомъ по французски: — потому что знакома съ нѣсколькими вашими офицерами.

— Значить, я имѣю удовольствіе видѣть княгиню Кольцыну.

— Къ вашимъ услугамъ.

Хотя и въ сюртукѣ безъ эпoletъ, однако, по всегдашнему обычаю, Винорѣцкій одѣтъ былъ не только опрятно, а щеголевато и съ этой стороны могъ быть совершенно покоенъ. Въ карманѣ у него нашлась пара свѣжихъ перчатокъ, которыя онъ надѣлъ ту же минуту, въ восторгѣ отъ неожиданной встрѣчи съ предметомъ давнихъ помышлений.

Дѣло объяснилось позже. Винорѣцкій своротилъ съ дороги подъ прямымъ угломъ и проѣхалъ верстъ двадцать къ имѣнію княгини Кольцыной. Дорошовскій священникъ училъ княгиню еще малюткой закону Божію и, когда она воротилась изъ Петербурга снова въ деревню, возобновилъ старинное знакомство. Выдавая дочь замужъ, отецъ Демьянъ просилъ Кольцыну въ посаженія матери, которая пріѣхала часа на два, но была застигнута мятелю и не знала что дѣлать. Попастъ за шесть верстъ домой не представлялось никакой возможности; оставаться въ домѣ священника, гдѣ такая масса народу, тоже было неудобно. И вотъ, волей-неволей, петербургская барыня проводила вечеръ въ душной атмосферѣ, въ обществѣ людей, чуждыхъ для нея во всѣхъ отношеніяхъ.

И говорить нечего, что Винорѣцкій тотчасъ же подѣлъ къ Кольцовой, и у нихъ завязалась самая живая бесѣда, имѣвшая цѣлью съ одной стороны приковать къ своей колесницѣ извѣстнаго счастливца-волокиту, а съ другой побѣдить неуловимую красавицу, которая, закруживъ головы многимъ офицерамъ, посмѣялась надъ всѣми обожателями. Когда, натѣшившись вдоволь надъ костюмами и манерами всего общества, разумѣется по французски, Винорѣцкій и княгиня завели самый тонкій разговоръ о чувствахъ, о высокой любви, о могуществѣ коммюфотности, — однимъ словомъ, понесли ерунду, какая несется и теперь въ подобныхъ случаяхъ людьми этого закала, — женихъ подскочилъ къ княгинѣ.

— Теперь, ваше сіятельство, сказалъ онъ: — и вамъ можно станцовать хоть одну кадсель съ ними, прибавилъ онъ, указывая на Винорѣцкаго.

— Право, не могу. Вы, пожалуйста, не думайте, чтобы я перебирала кавалеровъ — мнѣ все равно — а у меня болитъ нога, и я не въ состояніи. А вотъ просите м-г Винорѣцкаго, сказала княгиня съ лукавой улыбкой: — онъ считается первымъ танцоромъ въ полку.

— Сдѣлайте одолженіе, ваше благородіе, не откажите, вмѣшалась хозяйка, которая считала обязанностію присутствовать возлѣ именитой гостыи.

— Я... готовъ, проговорилъ Винорѣцкій.

— Что за кадсель! крикнулъ какой-то подгулявшій гость: — катать просто вальца, я самъ пушусь, пока есть силы.

— Позвольте, возразилъ женихъ: — дадимъ мѣсто: вотъ господиень офицеръ протанцуетъ и, можетъ быть, покажетъ новыя манеры.

Молодые люди мигомъ очистили мѣста, дамы усѣлись на стулья и потупили глаза, помышляя со страхомъ, кого-то выберетъ хорошенькій офицеръ. Но выборъ былъ нетруденъ, потому что вокругъ сидѣли такія неуклюжія дамы, съ которыми, повидимому, рѣшительно невозможно было вальсировать. При извѣстїи, что офицеръ поѣдетъ танцовать, гости собрались въ залу, а музыка запиликала, разумѣется въ разладъ, «вальсъ сумасшедшаго».

— Боже мой! сказалъ Винорѣцкій, обращаясь къ княгинѣ: — какъ мнѣ пускаться съ этими чурбанами!

— Только смѣйте. Между дамами есть хорошенькія.

— Но турниры, но платья, но эти красныя руки....

— Я хочу непременно видѣть, какъ вы танцуете: говорятъ, неподражаемо.

Съ цѣлю порисоваться передъ княгиней, хоть и скорчивъ недовольную мину, Винорѣцкій подошелъ къ ближайшей поповнѣ и ловко раскланялся.

— Не угодно ли? сказалъ онъ.

— Покорно благодарю, проговорила дѣвушка, вставая съ мѣста.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Ей Богу, покорно благодарю. Я никогда вальца не танцевала, спросите у кого угодно.

Но уже мать дѣвушки замѣтила сцену и выскочила изъ противоположной двери.

— Что тутъ происходитъ? спросила она.

— Я приглашаю на вальсъ, отозвался Винорѣцкій.

— А она?

— Имъ не угодно.

— Танцуй, Маша!

— Я, маменька, не умѣю, можетъ быть, по ихнему.

— Танцуй, я приказываю! прикрикнула маменька, топнувъ ногой и поправляя чепецъ, свернувшійся на сторону.

Не ожидая вторичнаго приказанія, дѣвушка бросилась къ Винорѣцкому, схватила его за талию, какъ берутъ дамъ кавалеры, и повлекла его на средину, кружась по извѣстнымъ ей пріемамъ, и выказала такую силу, что поручикъ нескоро могъ справиться. Вокругъ раздался смѣхъ, вообще выразившій удовольствіе, и даже княгиня, несмотря на аристократическія замашки—скрывать свои ощущенія—разсмѣялась, какъ самая наивная пансіонерка. Самъ Винорѣцкій не могъ удержаться, и хоть наконецъ удалось ему попасть на тактъ, однако онъ не счумѣлъ отнять руку дамы отъ своей талии и вальсировалъ съ ней во взаимныхъ объятіяхъ. Ошибка эта была принята обществомъ за нововведеніе, и тотчасъ же всѣ пары пустились подражать новой манерѣ, находя ее очень ловкой и удобной. Княгиня развеселилась и, кокетничая съ Винорѣцкимъ, держала его, однакожь, на весьма почтительномъ разстояніи. Это была брюнетка, очень хорошенькая, съ огненными глазами, съ маленькимъ ротикомъ и съ той немножко лукавой фizioноміей, которой не изучивъ, вы не узнаете, весела ли она, или серьезна. Балован-

ное дитя богатыхъ родителей, Анна Сергѣевна Кольцына, попавъ съ малолѣтства въ омутъ столичной жизни, слишкомъ рано сознала въ себѣ предметъ многочисленныхъ исканій и, подъ вліяніемъ жены брата, сдѣлалась въ полномъ смыслѣ петербургской барышней того времени. Въ ея движеніяхъ не было ничего провинціального; она держалась просто, смотрѣла на незнакомыхъ или на равныхъ гордо, а съ тѣми, кого считала ниже себя, обходилась довольно привѣтливо, разумѣется неискренно, потому что, собственно говоря, въ ней мало оставалось чело-вѣческаго. Эта прекрасная молодая женщина была олицетворенная пустота, вышла замужъ по расчету, имѣя одну цѣль въ жизни—блистать на балахъ да сводить съ ума мужчинъ, и если еще сохранилось въ ней желаніе, заставлявшее биться ея сердце, это — попасть хоть какъ нибудь ко двору, куда, впрочемъ, попасть ей не представлялось возможности. Въ этихъ видахъ она заставила служить своего мужа, который вышелъ въ отставку, и страшно интриговала доставить ему видное мѣсто, на которомъ можно было пріобрѣсть положеніе, приближающее къ почестямъ. Но покровитель, одинъ весьма древній старецъ, обѣщавшій ей успѣхъ, отправился *ad patres*, и князь не могъ уже собственно своей особой добиться чего хотѣлось его хорошенькой половинѣ. Кольцыну, какъ говорится, не везло, во первыхъ, за неимѣніемъ протекціи, во вторыхъ, онъ былъ глупъ, а въ третьихъ, такой лѣнтяй, что еслибъ и могъ отличиться на своемъ мѣстѣ хоть усидчивостію, то и этому мѣшали сибаритизмъ и лежанье на покойномъ диванѣ. Правда, онъ имѣлъ хорошее состояніе, взялъ за женой столько же, но это привело лишь къ тому, что, угощая завтраками и обѣдами нужныхъ людей, онъ втянулся въ обжорство и высшимъ блаженствомъ въ жизни находилъ свѣжія устрицы да самый смрадный лимбургскій сыръ съ шевелящимися червями. Когда покровитель его умеръ, а новья власти стали тянуть вверхъ своихъ *protégés*, очень явно въ ущербъ Кольцыну, княгиня попробовала еще пустить въ ходъ всѣ зависѣвшія отъ нея средства, но—увы!—обожглась, не бывъ въ состояніи выхлопотать мужу не только повышенія, а ровно никакой награды. Обиженная барыня расплакалась, сдѣлала мужу сцену и, увѣривъ его, что онъ ни минуты не долженъ оставаться на службѣ, увезла его въ деревню, пока *tout le monde* забудетъ сдѣланную ему несправедливость. Разумѣется, *tout le monde* скоро позабылъ князя, не такъ скоро хорошенькую кня-

гню, и отъездъ ихъ изъ Петербурга не произвелъ никакого эффекта, на который рассчитывала послѣдняя; только записные объѣдалы любили припоминать княжескаго повара, да нѣсколько волокыть поскучали по княгинѣ, пока не нашли новыхъ предметовъ для выраженія своихъ подогрѣтыхъ чувствъ и напускнаго разочарованія.

Княгиня Анна Сергѣевна Кольцына никогда не любила своего мужа, хотя скандальная хроника того общества, въ которомъ она вертѣлась, не утверждала положительно, что она измѣнила супружеской вѣрности. Поговаривали, и то по секрету, ближайшія пріятельницы, будто бы старецъ-покровитель пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но кто зналъ этого господина, едва державшагося на ногахъ, тѣ готовы были на пари, что съ этой стороны голова князя не могла опасаться никакихъ украшеній. Кузина Анны Сергѣевны однажды видѣла, какъ почтенный старикашка стоялъ передъ княгиней на колѣняхъ въ будуарѣ и будто цѣловалъ ея ножку, но, во первыхъ, это еще требовало подтвержденія, а во вторыхъ есть благодушные старички, которымъ и подобная ласка служить уже высочайшимъ блаженствомъ. Съ молодыми людьми княгиня кокетничала на чистоту, т. е. вертѣла ими по произволу, завлекала въ свои сѣти, и когда иной изъ нихъ дѣйствительно къ ней привязывался, ловкая барыня принимала въ немъ участіе, выслушивала признаніе и дружески совѣтовала позабыть ее, на томъ основаніи, что она не измѣнитъ своему Этьеню. Князь Степанъ дѣйствительно былъ что называется красавецъ-мужчина, большаго роста, съ глазами навывкатѣ, хотя и блестящими, но безмысленными, и когда молчалъ, то походилъ на умнаго челоуѣка. Но только князь Степанъ открывалъ ротъ, даже чтобъ потребовать стаканъ воды, онъ не могъ обойтись безъ того, чтобъ не сказать какой нибудь глупости и потомъ не расхохотаться, воображая, что съострилъ, и тѣмъ окончательно доказывалъ младенчество своего убогаго разсудка. Разговоръ же его вообще заслуживалъ исторической извѣстности: его собирались просто слушать. Конечно, все это для жены покроя Анны Сергѣевны были вещи постороннія, тѣмъ болѣе, что бесѣдовать и острить она имѣла возможность съ десяткомъ обожателей, но, какъ мужъ, князь Степанъ представлялъ изъ себя экземпляръ, не ваяющійся по улицамъ.

Винорѣдкій ничего этого не зналъ, а видѣлъ передъ собою

лишь «лакомый кусочек», который не мѣшало бы приполучить, а когда еще, нарочно или случайно, княгиня приподняла немного платье и Донъ-Жуанъ увидѣлъ ботинку самых крошечныхъ размѣровъ, у него просто разгорѣлись глаза, и онъ не могъ не подумать:

«Экая крошка, чортъ побори! А у Наташи нога, по крайней мѣрѣ, въ поларшина.»

Кромѣ счастливой и донельзя соблазнительной наружности, Анна Сергѣевна обладала еще даромъ болтовни, особенно со своими обожателями, разумѣется, на французскомъ языкѣ, такъ что Винорѣцкій довольно скоро увлекся неожиданной встрѣчей и рассчитывалъ провести день, другой въ обществѣ хорошенькой княгини. Конечно, здѣсь не послѣднюю роль играла мысль побѣдить барыню высшаго полета — обстоятельство не весьма обыкновенное въ жизни армейскаго офицера. По уѣзду и вообще по всей окрестности носилась молва, что домъ князя Кольцына принадлежалъ къ самому блистательному кругу въ Петербургѣ, и хотя княгиня лучше другихъ знала, что ей не приходилось видѣть этого блистательнаго круга иначе, какъ въ театрѣ или на Невскомъ, однако она поддерживала мысль о принадлежности своей къ избранной аристократіи.

Между тѣмъ, танцы шли своимъ чередомъ. Винорѣцкій, для утѣшенія княгини, бралъ поочереды дамъ и выдѣлывалъ штуки, гости пили пуншъ и непритворно веселились, а мятель шумѣла и засыпала улицы, заборы, настилая въ иныхъ мѣстахъ снѣгу въ уровень съ крышами. Хотя княгиня и не скучала съ пріѣздомъ Винорѣцкаго, однако удушливая атмосфера и мысль провести ночь на бивуакѣ начали пугать ее, особенно съ тѣхъ поръ, какъ слуга, посланный на единственный постоялый дворъ, объявилъ, что комната есть, но такая грязная и холодная, что врядъ ли можно тамъ расположиться. Хозяйка предлагала самую лучшую горницу и сильныя выгоды, но княгиня очень хорошо знала, что хозяевамъ не выгонять же гостей на улицу; потому рѣшено было провести ночь на постояломъ дворѣ, а чтобъ княгинѣ не было страшно — она спать уже не предполагала — Винорѣцкій вызвался оберегать ее отъ всѣхъ опасностей. Съ этой цѣлью попадавъ отослала на постоялый дворъ все, что могла отдѣлать для такой именитой гостьи, горничная Анны Сергѣевны отправилась устраивать квартиру, и послѣ ужина, отъ котораго нельзя было отговориться, княгиня, въ сопровожденіи Донъ-Жуана и съ двумя верховыми, уѣхала на ночлегъ, кото-

рый, къ счастью, былъ недалеко. Довольно просторная горница была наскоро прибрана, окна завѣшаны, столъ накрытъ чистой скатертью, и на большихъ нарахъ горничная постлала постель для своей барыни. Въ дверь не только дуло, а наносило мелкаго снѣгу, и хотя въ печкѣ трещалъ привѣтливый огонекъ, однако температура стояло ниже нуля; закрывать же скоро трубу было бы неблагоразумно. Княгиня, собственно изъ любопытства, заглянула на свою постель и отошла съ продолжительной гримасой, потому что врядъ ли даже видѣла такія толстыя наволочки и такую неопрятную простыню. Въ постели, впрочемъ, не представлялось надобности, такъ какъ Анна Сергѣевна рѣшилась до утра просидѣть въ шубѣ, а Винорѣцкій испросилъ разрѣшеніе быть ея собесѣдникомъ. Горничная скоро задремала въ углу, склонясь на каретную подушку, и Донъ-Жуанъ съ княгиней съ глазу на глазъ оставались до разсвѣта. Разговоръ не прекращался, и хотя поручикъ, какъ искусный волокита, не начиналъ формальнаго признанія, однако пробовалъ напѣвать Аннѣ Сергѣевнѣ, что онъ не удивляется многимъ своимъ товарищамъ, которыхъ она свела съ ума и заставила дѣлать глупости. Княгиня выслушивала его намеки и смѣялась, а, между прочимъ, при каждомъ случаѣ давала ему замѣтить, что ее нельзя поймать на обыкновенныя штуки. Тогда Винорѣцкій разомъ перемѣнилъ свою методу и началъ въ комическомъ видѣ откровенно описывать ей свои похождения, разумѣется, присочиняя многое для красоты слога и пустивъ въ ходъ *соур де тайге*, т. е. заявивъ, что готовъ отдавать женщинамъ полную справедливость, но что искренно любить никогда не въ состояніи.

Княгиня пристально посматрѣла на своего собесѣдника.

— Это, впрочемъ, общая пѣсня молодежи, замѣтила она съ легкой улыбкой.

— Конечно, рѣдкій не прикидывается разочарованнымъ, но я выстрадалъ это убѣжденіе и желалъ бы остаться такимъ, какимъ былъ доселѣ.

— Отчего же?

— Гораздо покойнѣе.

— Значить, сколько я могу понимать, вы еще не вполне увѣрены въ своемъ ледяномъ равнодушіи.

— Почти увѣренъ.

— Но съ какой же цѣлью эта масса похужденій, если ни въ одномъ изъ нихъ не участвуетъ сердце?

— Мнѣ необходима дѣятельность, и, бросившись въ этотъ разнообразный омутъ, я предохраняю себя отъ всего серьезнаго.

— Знаете ли, Винорѣцкій, мнѣ нравится ваша откровенность: мы можемъ, кажется, быть дружны съ вами. Я сама не прочь повеселиться, но, признаюсь, не люблю своихъ адорантовъ, если они уже черезчуръ надоѣдаютъ мнѣ пламенными вздохами.

— Я тотчасъ же подмѣтилъ вашъ характеръ и въ доказательство уваженія не сталъ маскироваться и высказалъ себя какъ есть.

— Мы, значить, понимаемъ другъ друга: я не могу никого любить, потому что вѣрна мужу, вы не поддаетесь нѣжной страсти; слѣдовательно, съ обѣихъ сторонъ была бы напрасная трата времени. Превосходно, Винорѣцкій! Я очень рада вашему знакомству, и если мы будемъ сходиться на здѣшнихъ балахъ, то посмѣмся. Надѣюсь, вы и къ намъ завернете.

— Знакомство съ вами давно уже интересовало меня, хотя, признаться, и съ другой цѣлью. Теперь же я въ восторгѣ и боюсь только одного — наскучить вамъ своими посѣщеніями.

— Утромъ, когда утихнетъ мятель, я повезу васъ съ собою, познакомлю съ мужемъ, онъ васъ отлично накормитъ, вы прекрасно выспитесь, а вечеромъ посмѣмся, потому что, вѣрно, пріѣдетъ кто нибудь изъ сосѣдей.

Винорѣцкій упорно проповѣдывалъ неспособность свою влюбиться, княгиня ловко щелкала его, если онъ, позабывшись, адресовалъ ей какую нибудь утонченную любезность, и, такимъ образомъ, бесѣда длилась до разсвѣта. Мятель, между тѣмъ, поутихла, всѣ дорожные засуетились, и княгиня часу въ восьмомъ уѣхала домой, увезя молодаго человѣка, объявившаго себя застрахованнымъ отъ любви, но котораго она дала себѣ слово завертѣть, какъ шестнадцатилѣтняго мальчика. Съ подобными же надеждами и Винорѣцкій садился въ возокъ Анны Сергѣевны.

Съ Наташей произошла большая перемена. Послушная, наивная дѣвочка преобразилась въ пылкую любящую женщину; передъ нею уже ясно опредѣлилась цѣль жизни, и хотя Марья Семеновна продолжала обращаться съ ней, какъ съ ребенкомъ, однако начала заботиться и объ ея судьбѣ и о туалетѣ. Сближеніе племянницы съ Винорѣцкимъ не возбуждало въ старухѣ никакихъ опасеній, на томъ основаніи, что, воспитывая дѣвушку

въ самыхъ строгихъ правилахъ добродѣтели, она была совершенно спокойна, тѣмъ болѣе, что молодые люди вели себя очень хитро и скрывали свои отношенія съ большою ловкостію. Посѣщенія волокиты доставляли удовольствіе тетущкѣ и племянницѣ, но наслаждались—одна разнообразными, трудными пасьянсами, а другая—восторгами любви, потому что Винорѣцкій, какъ мы уже видѣли, мало по малу началъ сокращать визиты къ Балгановой, а со времени встрѣчи съ княгиней по цѣлымъ недѣлямъ не навѣдывался въ Зимницы. Старуха искренно вѣрила отлучкамъ его по службѣ, но Наташа, чужая ли она сердцемъ, догадывалась ли просто, часто плакала тайкомъ и при рѣдкихъ свиданіяхъ упрекала своего Вольдемара. Донъ-Жуанъ рѣшительно охладѣлъ къ Наташѣ; но, во первыхъ, онъ не хотѣлъ сказать этого дѣвущкѣ наотрѣзъ, зайдя съ ней слишкомъ далеко, во вторыхъ, княгиня общала ему выхлопотать переводъ въ гвардію, въ третьихъ, онъ никогда не рѣшался на явный разрывъ, оставляя за собою лишнюю интригу на всякій случай. Приѣзжая въ Зимницы, онъ, однакожь, прикидывался необыкновенно нѣжнымъ съ Наташей, не изъ желанія притворной любовью усыпить подозрѣнія дѣвущки, не изъ угрызения совѣсти, а просто по привычкѣ, тѣмъ болѣе, что Наташа была очень хороша, и если имѣла какой нибудь физическій недостатокъ, это большую ногу, что, впрочемъ, и было первой причиною охлажденія Винорѣцкаго. Извиняя свои отлучки служебными занятіями, онъ кромѣ того увѣрялъ Наташу, что въ іюнѣ окончатся его церковное покаяніе, за которымъ въ перспективѣ рисовалъ влюбленной дѣвущкѣ счастливое супружество. Бѣдняжка готова была вѣрить, но въ отсутствіе Вольдемара нерѣдко по цѣлымъ ночамъ плакала и подумывала объ измѣнѣ. При свиданіяхъ она не скрывала своихъ опасній, хотя и не видѣла въ Вольдемарѣ особенной перемѣны.

Между тѣмъ, Винорѣцкій былъ далеко не тотъ... не говорю относительно Наташи, но и въ обыкновенномъ образѣ жизни. Встрѣча съ княгиней странно подѣйствовала на этого молодого человѣка, который, не зная до сихъ поръ никакой преграды въ своихъ волокитствахъ, наскочилъ вдругъ не только на опытную кокетку, но на женщину, способную жестоко насмѣяться надъ оплошнымъ обожателемъ. Борьба на жизнь и смерть съ Анной Сергѣевной, объявленная подъ личиною дружбы, завлекая Винорѣцкаго и заставляя его пустить въ дѣло всѣ доступные

ему маневры, но, несмотря на то, приводившая къ однѣмъ неудачамъ, сильно подѣйствовала на нравственное состояніе волокиты. Встрѣчая въ Аннѣ Сергѣевнѣ нѣсколько перемѣнъ на день, отъ убійственнаго равнодушія и холодной насмѣшки до той ласкающей мягкости, которая готова ободрить самаго робкаго юношу, Винорѣцкій просто мучился въ этихъ переходахъ, но не могъ—ни овладѣть капризной красавицей, ни вырваться изъ стѣтъ этого «демона въ юбкѣ», какъ называли ее офиперы. Одно только примиряющее въ этой интригѣ было для нашего Донъ-Жуана: судя по наружности, товарищи могли считать его счастливецомъ, такъ какъ онъ по нѣсколькимъ днямъ проводилъ у княгини, постоянно выѣзжалъ съ нею и почти прекратилъ всѣ постороннія волокитства.

Въ концѣ великаго поста княгиня неожиданно получила изъ Петербурга письмо, которымъ извѣщали ее, что князь, при небольшой настойчивости, могъ бы получить мѣсто, способное привести его на степенъ извѣстнаго значенія и почестей. Облѣнившійся князь Степанъ не слишкомъ-то былъ радъ безпокойному переселенію; но ловкая Анна Сергѣевна въ такомъ обольстительномъ свѣтѣ умѣла представить ему перспективу гастрономическихъ декораций и до такой степени затронула его самолюбіе, что разжирѣвшій объдало далъ свое согласіе на переѣздъ въ столицу. Вѣсть эта поразила Винорѣцкаго какъ громомъ; но княгиня ободрила молодого человѣка, во первыхъ, обѣщаніемъ хлопотать о его переводѣ въ гвардію, во вторыхъ, дала ему почувствовать, что тамъ, въ роскошныхъ сферахъ блестящаго свѣта, среди вѣтреныхъ и перемѣнчивыхъ обожателей, ей отъ радно будетъ встрѣчать преданнаго и испытаннаго друга.

Съ отъѣздомъ княгини Винорѣцкій началъ чаще бывать въ Бѣлокаменцахъ, а слѣдовательно и у Балгановой; но, остынувъ совершенно къ Наташѣ, онъ продолжалъ обманывать дѣвушку собственно изъ любви къ искусству и больше потому, что наступившая весна испортила дороги и прекратила навремя сообщеніе съ дальними окрестностями. Случались моменты, когда онъ смягался нѣжностію бѣдной покинутой дѣвушки, но это было рѣдко, и передъ нимъ уже въ обольстительномъ свѣтѣ рисовались петербургскіе салоны, гдѣ онъ надѣялся пожить полною роскошною жизнью.

Въ тотъ годъ, по распоряженію начальства, полковой кампантъ назначенъ былъ нѣсколько ранѣе, и въ двадцатыхъ чи-

слахъ всѣ эскадроны потянулись въ Дымогарь, куда по этому случаю переѣхали многія помѣщичьи семейства. Уѣздный городъ принялъ оживленный праздничный видъ, и по всѣмъ улицамъ не было дома, въ окнахъ котораго до поздней ночи не было бы яркаго освѣщенія. Разумѣется, самые веселые и многолюдные сѣзды были у исправницы и у городничихи: тамъ постоянно каждый вечеръ танцевали; но и нѣкоторые изъ пріѣзжихъ собирали у себя кружки короткихъ знакомыхъ.

Въ Дымогарѣ болѣе чѣмъ когда нибудь общество разбилось на два враждебные лагеря, и если читатель припомнитъ отношенія, существовавшія между городничихой и исправницей въ началѣ разсказа, то выведетъ непогрѣшительное заключеніе, что съ приходомъ полка барыни эти не могли уже сблизиться ни въ какомъ случаѣ. Несмотря на то, что штабные офицеры, жившіе дружно между собою, старались объ этомъ сближеніи, несмотря даже на нейтралитетъ полковаго командира, который хотѣлъ соединить городское общество, духъ соперничества съ большей силой проявился между господами Барнаульской и Фонаревской, такъ что барыни дошли почти до открытой вражды и старались выкинуть одна другой какую нибудь крупную штуку. Полковой адъютантъ началъ ударять за городничихой, а квартирмейстеръ очаровался прелестями старшей падчерицы исправника, и какъ это были люди довольно вліятельные, то и подбирали себѣ товарищей, которые посѣщали исключительно то или другое общество. Полковникъ, старый волокита, хотъ и любилъ посѣщать исправничиху, напѣвая дочерямъ ея легкія нѣжности, однако склонялся болѣе на сторону Фонаревской, которой даже повременамъ строилъ куры, разумѣется безъ вознагражденія. Сторонницы той и другой партіи крѣпко держались своего знамени, и когда общество сходилось, напримѣръ, въ благородномъ собраніи или у полковника, то дамы, приверженныя, положимъ, къ Барнаульской, старались одѣваться, поддѣлываясь къ послѣдней, а партизанки Фонаревской соображали туалетъ свой съ туалетомъ городничихи и употребляли всѣ завиствшія средства затмить соперницъ. Въ теченіе зимы произошли многія столкновенія съ враждебными партіями, но, надобно сказать правду, не случилось ни одного публичнаго скандала, именно вслѣдствіе стараній полковаго командира, который, въ качествѣ перваго лица въ городѣ, хлопоталъ о мирѣ и согласіи. Знакомая намъ дочь почтмейстера, хорошенькая Феня, не измѣнила

городничихъ и служила постояннымъ украшеніемъ вечеровъ Фонаревской; за ней увивались молодые офицеры, но преимущественно, и повидимому съ серьезнымъ намѣреніемъ, полковой штабъ-лекаръ, сколотившій кое-какія деньжонки. Феничка, въ полгода постигшая науку уѣздной жизни, всецѣло отдалась зимнимъ развлечениямъ и находила специальное удовольствіе, конечно, не безъ вліянія Фонаревской, отбивать офицеровъ, посѣщавшихъ домъ исправничихи, постоянно увлекалась тѣмъ или другимъ молоденькимъ корнетомъ. Но она очень хорошо видѣла, что обожатели, и даже самые пламенные, не могли составить партіи, а ей непремѣнно хотѣлось играть самостоятельную роль и имѣть собственную гостиную, въ которой она надѣялась затмить какъ Барнаульскую съ ея дочерьми, такъ и городничиху. Феничка даже пробовала собирать къ себѣ гостей и успѣвала; однако отецъ рѣшительно отказалъ въ деньгахъ на необходимые расходы, и офицеровъ попотчивали только плохимъ чаемъ да какими-то базарными коврижками. За ней долго не было серьезныхъ волокитствъ, или, лучше сказать, съ цѣлю супружества, потому что молодежь, любезничая, не помышляла объ узахъ Гименея. Но какъ-то случилось полковой штабъ-лекаръ протамцовалъ съ ней мазурку, разсмотрѣлъ поближе, съ тѣхъ поръ сталъ чаще бывать у почтмейстера и тщательно зачесывать небольшую лысину. Штабъ-лекаръ въ полку былъ на отличномъ счету и пользовался славой ученаго человѣка, отъ чего, конечно, и не отказывался, хотя очень хорошо зналъ, что подобное названіе было вовсе не заслуженное. Общее образованіе онъ получилъ жалкое, медицину изучилъ плохо, бывъ тупъ отъ природы, а дипломъ получилъ больше за хорошее поведеніе и долговременной службой добился до званія штабъ-лекаря. Какъ медикъ собственно онъ былъ плохъ, но солдатъ въ полку умирало немного, во первыхъ потому, что русскій солдатъ имѣетъ крѣпкую натуру, во вторыхъ младшій полковой медикъ, съ отличными способностями, дѣятельно занимался въ лазаретѣ. Штабъ-лекаръ Сутковой, вскорѣ по выходѣ изъ медико-хирургической академіи, женился на богатой купчихѣ, которая года черезъ три умерла, оставивъ мужу значительный капиталецъ по духовному завѣщанію. Сутковой положилъ деньги въ ломбардъ, а самъ довольствовался жалованьемъ, кое-какой практикой и притомъ очень счастливо игралъ въ коммерческія игры. Онъ былъ немолодъ, но еще

довольно свѣжъ и послѣ роковой мазурки задумалъ устроить судьбу свою. Всѣ въ городѣ тотчасъ замѣтили, къ кому онъ устремлялъ вздохи свои, а городничиха прибрала будущаго претендента къ рукамъ и начала выхвалять ему характеръ и образованіе почтмейстерской дочки. Разумѣется, исправничиха еще болѣе разсвирѣпѣла, потому что къ ея дочерямъ не адресовался никто, и хоть у старшей дочери постояннымъ обожателемъ былъ квартирмейстеръ, однако она положительно узнала отъ мужа, что молодой человекъ всего только годъ въ должности, стоялъ съ полкомъ на очень невыгодныхъ мѣстахъ и не заработалъ больше, какъ тысячи двѣ съ половиной.

Городскія дамы и дѣвицы много слышали о Винорѣцкомъ, и когда весь полкъ собрался въ Дымогарь, не одно сердечко забилось усиленно отъ желанія познакомиться поскорѣе съ знаменитымъ волокитой. Исправничиха просила квартирмейстера познакомить его у нихъ въ домѣ запросто, а Фонаревская потребовала отъ адъютанта, чтобъ онъ непременно постарался привлечь такую знаменитосиь въ ея интимное общество. Последняя, конечно, дѣйствовала не безъ запасной мысли; но адъютантъ былъ такъ самолюбивъ и увѣренъ въ преданности городничихи, что не видѣлъ тутъ никакой опасности и обѣщалъ употребить все вліяніе. Винорѣцкій, однакожь, безъ всякихъ постороннихъ внушеній сталъ бывать у Фонаревскихъ чаще потому, что ему приглянулась полногрудая Феничка, и какъ особа эта, напрактиковавшаяся уже полугодовой стоянкой офицеровъ, умѣла довольно ловко пользоваться всѣми своими преимуществами, то и показала себя съ очень выгодной стороны Винорѣцкому, который хоть и рассчитывалъ повременамъ навѣдываться къ Наташѣ, однако непрочъ былъ завести волокитство и въ Дымогарѣ. Штабъ-лекарю это не очень понравилось, но Феничка дѣйствовала съ большимъ искусствомъ и на первыхъ порахъ съумѣла усыпить кандидата въ женихи, питая, впрочемъ, тайную надежду выйти за богатаго и молодаго поручика.

Офицеры каждый вечеръ бывали гдѣ нибудь въ обществѣ, за исключеніемъ Силы Ивановича, который, подобравъ себѣ веселую компанію, рѣзаясь въ бостончикъ и, по обычаю, совершалъ небольшія путешествія по почтовому дорожнику.

Въ теченіе двухъ недѣль Винорѣцкій одинъ только разъ успѣлъ побывать у Балгановой, остальное же время, въ которое

шла усиленная служба, посвящая въ волокитству за Феничкой, старавшейся, какъ говорится, задѣть его за живое. Штабъ-лекаръ очевидно уже носился на поручика, и хотъ послѣдній, для отвода подозрѣній, иногда ударялъ за самой Фонаревской, однако у влюбленныхъ, да еще пожилыхъ джентльменовъ, какъ-то изощряется способность предвидѣнія. Въ домѣ почтмейстера на Сутковаго смотрѣли какъ на жениха, который правда и не сдѣлалъ еще формальнаго предложенія, но всѣ знали, что онъ отправилъ въ губернский городъ коляску для передѣлки и заказалъ стегать двухспальное атласное одѣяло извѣстной мастерицы. Сутковой считалъ дѣло порѣшеннымъ и на томъ еще основаніи, что Феничка принимала отъ него въ подарокъ конфеты и прочія сласти и всегда радушно встрѣчала его у себя дома, хотъ онъ, по какой-то робости, не извѣснялся ей парадно въ любви, то есть, по тогдашнему обычаю, ставъ передъ нею на колѣни, не выразилъ чувствъ какими нибудь раздражительными фразами. Почтмейстеръ только и ожидалъ съ его стороны этого пассажа, почтмейстерша даже сама подталкивала Сутковаго; но штабъ-лекаръ все собирался съ духомъ, а, между тѣмъ, любезностію и угодливостію старался выиграть еще болѣе расположеніе дѣвушки. Феничка хотъ и видѣла все это, однако не спѣшила развязкой, во первыхъ потому, что ей весело было любезничать съ молоденькими офицерами и юнкерами, во вторыхъ штабъ-лекаръ ей рѣшительно не нравился, а въ третьихъ какая-то темная надежда нашептывала ей, что найдется женихъ и моложе, и красивѣе. Появленіе Винорѣцкаго разрѣшило эту темную надежду: на первомъ же вечерѣ она влюбилась въ него, встрѣтила съ его стороны особенное вниманіе и не могла уже не только чувствовать пріязни къ Сутковому, а, напротивъ, стѣснялась его казенными фразами, которыми обыкновенно штабъ-лекаръ выражалъ свои любезности. Феничкѣ не была неизвѣстна репутація Винорѣцкаго и даже послѣднее волокитство его за княгиней Кольцыной; Феничка очень хорошо знала, какую затѣваетъ игру съ неотразимымъ волокитой, но Донъ-Жуанъ привинулся такимъ смиренникомъ, повелъ дѣло по такому направленію, что дѣвушка рѣшительно сбилась съ толку и словно позабыла всякую осторожность. Винорѣцкій, конечно, далеко былъ отъ женитьбы и зналъ намѣренія Сутковаго, который, при видѣ угрожавшей опасности, собирался съ духомъ сдѣлать предложеніе; ему даже одно время хотѣлось, чтобы штабъ-лекаръ

поскорѣ женился; но какой-то демонъ-искуситель подталкивалъ его вести интригу дальше и только въ крайнемъ случаѣ уступить дорогу сопернику. Донъ-Жуанъ словно считалъ для себя оскорбленіемъ отказаться отъ побѣды, за которой устремлялись многіе безуспѣшно, и выпустить изъ рукъ непомятымъ нѣвтокъ для того, чтобъ передать его пожилому и плѣшивому сонскателю. Но вмѣстѣ съ этимъ Винорѣцкій очень хорошо постигалъ домашнюю обстановку Фенички, а болѣе почтеннѣйшаго ея родителя, который ястребиными глазами слѣдилъ за дочерью и при малѣйшемъ поводѣ, казалось, готовъ былъ подать самое кляузное прошеніе. Волокита сообразилъ всѣ послѣдствія и вдругъ круто поворотилъ со своей интригой. Онъ два раза сряду посѣтилъ Барнаульскихъ и началъ напѣвать нѣжности меньшей падчирицѣ исправника. Разумѣется, маневръ этотъ породилъ нѣсколько различныхъ результатовъ и, само собой, поставилъ волокиту въ благопріятное положеніе. Штабъ-лекаръ повеселѣлъ, Феничка надула губки, городничиха оскорбилась, а почтмейстеръ, который посредствомъ писарей собралъ справки о недвижимомъ имѣніи Винорѣцкаго, покачалъ головой, но не сказалъ ни слова. Поцѣлуйкинъ, конечно, доволенъ былъ искательствомъ Сутковаго и даже досадовалъ на нерѣшительность штабъ-лекаря, который медлилъ съ предложеніемъ, но за Винорѣцкаго онъ охотнѣе отдалъ бы дочь, на томъ основаніи, что Сутковому необходимо хоть какое нибудь приданое, между тѣмъ какъ съ богатаго поручика можно было стянуть и для себя малую толику. Притомъ же, почтмейстеръ, страшный пронира, какъ только замѣтилъ волокитство Винорѣцкаго за дочкой, ему неизвѣстно почему пришла въ голову мысль сочетать ихъ непременно законнымъ бракомъ. Послѣ неожиданнаго оборота дѣла, когда Донъ-Жуанъ перенесъ лагерь свой въ домъ Барнаульскихъ, почтмейстеръ началъ дѣйствовать болѣе основательно и специально занялся перепиской Винорѣцкаго: всѣ письма, которыя отправлялъ или получалъ поручикъ, поступали на предварительное разсмотрѣніе Поцѣлуйкина, а какъ корреспонденція Винорѣцкаго производилась преимущественно по французски, то Андрей Юрьичъ посвятилъ въ тайну аптекаря, который часто бралъ деньги у Поцѣлуйкина для разныхъ торговыхъ спекуляцій. Хотя переписка не открыла ничего особеннаго, кромѣ увѣдомленія княгини, которая обнадеживала Винорѣцкаго о скоромъ переводѣ въ гвардію, однако послѣднее обстоятельство

навело почтмейстера на мысль взять тонкія предосторожности и, подъ покровомъ строжайшей тайны, выжидать какого нибудь благопріятнаго случая.

Винорѣцкій круто поворотилъ собственно для двухъ цѣлей: ему хотѣлось посредствомъ этого маневра, во первыхъ, ослабить подозрѣніе штабъ-лекаря, во вторыхъ узнать степень привязанности Фенички, что скоро должно было обнаружиться. Поведа дѣло по этому пути, Винорѣцкій не переставалъ бывать у городничихи и между прочимъ сталъ открыто подтрунивать надъ штабъ-лекаремъ, выставляя смѣшныя стороны послѣдняго при малѣйшей возможности. Первое время Феня, вслѣдствіе особенной раздражительности, начала было защищать своего постоянного обожателя, но Винорѣцкій былъ неотразимъ въ этого рода нападеныяхъ, а шутки и остроты его были такъ безошадны, что, несмотря ни на какую защиту, Сутковой ежедневно подвергался какимъ нибудь уморительнымъ выходкамъ. Большинство молодежи охотно признавало превосходство Винорѣцкаго, и ему немудрено было настраивать юнкеровъ и корнетовъ на разные школьничества, вслѣдствіе которыхъ Сутковой то падалъ въ танцахъ, то ловился на мистификацію и доставлялъ обществу обильную пищу для веселыхъ шутокъ, конечно, безобидныхъ, но разрушавшихъ его авторитетъ у прекраснаго пола.

Однажды, послѣ ученья, когда эскадроны разошлись по своимъ мѣстамъ, группа офицеровъ, къ которой прикнулъ и штабъ-лекаръ на своемъ буцефалѣ, миновавъ заставу, подняли лошадей въ галопъ, съ цѣлью проѣхать молодцами мимо интересныхъ особъ и, разумѣется, у самыхъ оконъ почтовой конторы. Сутковой, державшійся кое-какъ въ сѣдлѣ, но имѣвшій претензію на ѣздока, не захотѣлъ отстать и тоже былъ непрочъ порисоваться передъ Феничкой, которая акуратно послѣ каждаго ученья сидѣла у окна и высматривала предметъ своей страсти. Въ тотъ моментъ, когда кавалькада приближалась къ почтовой конторѣ и растворилось знакомое всѣмъ окно, одинъ изъ офицеровъ изловчился ткнуть ножнами сабли подъ брюхо лекарскую лошадь, которая, несмотря на все миролюбіе, дала порядочнаго козла и сбросила своего всадника прямо въ небольшую лужу. Произошла суматоха, Феничка вскрикнула, офицеры мигомъ вскочили съ лошадей и поспѣшили на помощь къ Сутковому, который поднялся невредимый, но до того перепачканный, что всѣ окружающіе, не исключая и Фенички, не могли удержаться

отъ хохота, Когда лекарь ушелъ переодѣться, а молодежь устремилась погарцовать еще по улицамъ, Винорѣцкій, обскакавъ курць-галопомъ площадь, поворотилъ назадъ и подлетѣлъ къ самому окну Оенички, такъ что конь его, мотая головой, брызнулъ пѣной на легкое кисейное платье молодой дѣвушки.

Оеия встрѣтила Винорѣцкаго привѣтливо, но постаралась удержать недовольное выраженіе въ своей фязіономіи. Впрочемъ, она потрепала по шеѣ красивую породистую лошадь.

— Вы бы посовѣтовали Сутковому ѣздить хладнокровнѣе, Оедосія Андреевна, а то захотѣлъ потягаться съ молодыми людьми и очутился въ лужѣ.

— Вы извѣстный насмѣшникъ, ш-г Вольдемаръ, и васъ не смягаетъ даже несчастіе ближняго. Васъ давно не видно.

— Былъ вчера у Барнаульскихъ.

Оеничка искоса посмотрѣла на собесѣдника,

— И весело провели время? спросила она.

— Отвѣдно скучно, отвѣчалъ Винорѣцкій, сдерживая лошадь, и, рисуясь при этомъ случаѣ, показывалъ всю гибкость своей талии.

— Я васъ не понимаю.

— Это неудивительно. Меня рѣдко кто понимаетъ: такая ужъ доля.

— Вы хитрите.

— Нисколько, да и нѣтъ надобности.

— Вѣдь Липочка очень хороша собой и, говорятъ, бойкая.

— Если вамъ сказать правду, я не замѣтилъ ни того, ни другаго.

— Но вы съ ней два раза танцовали мазурку.

— Это ничего не доказываетъ: я могу танцовать съ ней еще нѣсколько мазурокъ.

— Такъ, значитъ, вы увлекаете бѣдную дѣвушку.

— И это неправда.

— Съ какой же цѣлью вы пристали къ ней? спрашивала Оеия, голосомъ нѣсколько мягче и съ просвѣтлѣвшей фязіономіей.

— Съ досады, если не съ отчаянія, отвѣчалъ Винорѣцкій и посмотрѣлъ тѣмъ взоромъ, который нерѣдко оканчивалъ его провинціальныя побѣды.

— Проказникъ вы, ш-г Вольдемаръ! А у Лизаветы Антоновны будете сегодня?

— Хотѣлъ бы, и именно потому, что надобно поговорить съ вами.

— Со мной! спросила Феничка быстро.— Те! прибавила она тише и оглядываясь: — кто-то идетъ.

И вскорѣ въ окнѣ показалось круглое, гладко выбритое лицо почтмейстера.

— Достойнѣйшему Владиміру Андреевичу наше рабское почтеніе. Вамъ есть вѣсточка за пятью печатами. Прикажете получить?

— Спѣшу переодѣться, Андрей Юрьичъ!

— Все равно: я вамъ могу прислать на квартиру съ книгой. Только что разобралъ почту. Вамъ восемьсотъ рублей.

— Такъ мало?

— Помните, еслибъ всеѣмъ присылали по стольку... хе, хе, хе. Не угодно ли хоть рюмку водки?

— Право не могу. Извините.

И, раскланявшись, Донъ-Жуанъ отъѣхалъ неинного траверсомъ, потомъ, круто поворачивъ направо кругомъ, поскакалъ на квартиру.

Вечеромъ къ городничихѣ собралось обыкновенное общество танцовать подъ фортепяно, и, къ удивленію и удовольствію Лизаветы Антоновны, явился Винорѣцкій, который, по всеѣмъ разсчетамъ, долженъ былъ присутствовать у исправника. Городничиха, однакожъ, не подала вида, что особенно обрадовалась появленію Донъ-Жуана, и приняла его безъ всякихъ выговоровъ, за что получила въ награду отъ Винорѣцкаго такое юмористическое описаніе семейства Барнаульскихъ, что хохотала до слезъ и не могла не подѣлиться восторгомъ со всеѣми пріятельницами. Даже Сутковой, смутно догадывавшейся, что въ паденіи его съ лошади не обошлось безъ участія Винорѣцкаго, и тотъ разразился смѣхомъ. О Феничкѣ и говорить нечего, потому что она была весела уже отъ одной мысли — услышать отъ Винорѣцкаго тайну, содержаніе которой она предчувствовала.

Составились танцы, но какъ Феня ни хитрила, какъ ни изловчался Винорѣцкій, имъ рѣшительно было невозможно поговорить безъ свидѣтелей, потому что, какъ только они улучали удобную минуту, съ одной стороны подсаживался къ нимъ почтмейстеръ, а съ другой являлся штабъ-лекаръ, на котораго нашла какая-то особенная полоса нѣжности. Двѣ, три французскія фразы, брошенные вскользь, ничего не объяснили, и хотя Феничкѣ очень

хотѣлось услышать поскорѣе признаніе Винорѣцкаго, однако она сочла за нужное отложить свое блаженство до болѣе удобнаго времени. Винорѣцкій въ свою очередь не настаивалъ и, не добившись во весь вечеръ интимнаго разговора, сказалъ ей на прощанье по русски, что завтра пришлетъ обѣщанную книгу. Подвернувшійся тутъ же почтмейстеръ счелъ обязанностію поблагодарить Донъ-Жуана за вниманіе къ дочери, а Сутковой предложилъ будущей невѣстѣ проводить ее до дому.

Утромъ Винорѣцкій послалъ Фенѣ какой-то романъ, завернувъ его въ листъ бумаги и обвязавъ тесемкой, собственно потому, что между листами вложена была маленькая французская записочка. Передъ вечеромъ онъ получилъ обратно романъ съ почталіономъ, который передалъ на словахъ, что эту книгу молъ читали, а просили одолжить другую. Винорѣцкій тотчасъ же послалъ первый попавшійся томъ и по уходѣ почталіона сталъ искать въ свою очередь записочки въ листахъ возвращеннаго романа. Въ пламенныхъ выраженіяхъ онъ умолялъ Феничку о свиданіи, обѣщая ей полную исповѣдь сердца, каялся во всѣхъ своихъ волокитствахъ и признавался, что боится потерять разумъ. Ему такъ хотѣлось поговорить безъ свидѣтелей съ Феней, что онъ рѣшался, конечно, на смѣлый шагъ, но увѣрялъ дѣвушку, что ей нечего бояться осчастливить его свиданіемъ и что ему необходимо переговорить съ нею въ виду сватовства штабъ-лекаря. Разумѣется, тутъ же были пущены въ ходъ общія мѣста о сродствѣ душъ, о поэзіи встрѣчи и т. п.

Отвѣтъ Фенички былъ гораздо короче, по русски, и написанъ весьма дрожащей рукой, что Винорѣцкій извѣстнаго волненіемъ и робостію. Но его удивилъ казенный слогъ, и волокита нашъ посмѣялся надъ запиской, предназначая ей мѣсто въ числѣ нѣсколькихъ юмористическихъ экземпляровъ, лежавшихъ въ его «хронологіи сердца». Записка была слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь

Владиміръ Андреевичъ.

«Хотя я безъ позволенія родителей и не должна бы назначать вамъ свиданія, но поелику вы убѣдительно просите объ ономъ, то приходите во второмъ часу ночи. Почтовая контора востоянно бываетъ отворена, и вы, пробравшись въ ворота, обойдите домъ на другой конецъ. Второе окно отъ краю не будетъ затворено, и вы слегка постучите. Теперь ночи темныя:

васъ никто не увидитъ, тѣмъ болѣе что папенька уѣхали ревизовать станціи.

Ваша покорная къ услугамъ

Ө. П.

Казенный слогъ, впрочемъ, не помѣшалъ Винорѣцкому придти въ восторгъ отъ развязки интриги, и, чтобъ какъ нибудь сократить время, онъ уѣхалъ изъ города, съ однимъ товарищемъ, къ знакомому помѣщику. Но въ двѣнадцатомъ часу онъ былъ уже въ городѣ и, приготавлиаясь на свиданіе, обдумывалъ, какъ ему вести себя, очутясь наединѣ съ хорошенькой, кокетливой дѣвушкой. Сутковой положительно объявилъ, что дѣлаеть Өенички предложеніе, что почтмейстеръ согласенъ и барышня почти не колеблется, и вотъ Винорѣцкому блеснула мысль уговорить Өеню выйти за штабъ-лекаря, но вмѣстѣ съ этимъ признаться ей въ самой пламенной любви и открыть роковую тайну, что онъ находится на церковномъ покаяніи еще лѣтъ на пять по случаю дуэли. Это, впрочемъ, былъ обычный пріемъ его, потому что давнымъ-давно кончился срокъ его церковному покаянію. Во взаимности Өенички онъ не сомнѣвался и рѣшился подорвать супружеское благополучіе Сутковаго заблаговременно, а тамъ... Но тутъ же ему начали мерещиться и переводъ въ гвардію и блистательныя интриги среди шелка, бархата, кружевъ и раздушенной атмосферы въ золоченыхъ будуарахъ.

Въ назначенный часъ Винорѣцкій осторожно, вдоль заборовъ, пробирался къ почтовой конторѣ. Ему попались на встрѣчу нѣсколько товарищей, возвращавшихся домой; но онъ не подавалъ голоса и шелъ своей дорогой. Ворота конторы стояли настежь, и на дворѣ не было ни души, словно въ необитаемомъ домѣ. Винорѣцкій обошелъ на другой конецъ и съ легкой дрожью началъ надпочкахъ пробираться къ роковому окошку. Робко схватился онъ за раму, которая уступила легкому давленію, и тихонько постучался. На это отвѣчали едва слышнымъ кашлемъ. Бѣлая тѣнь мелькнула и исчезла въ глубь. Недолго думавъ, Винорѣцкій влѣзъ въ окно и остановился, пританцъ дыханіе.

— Вольдемаръ! послышался шопотъ.

— Теодози!

— Притворите окно и смѣлѣй идите ко мнѣ.

Исполнивъ приказаніе, Винорѣцкій ошущью пошелъ по направленію шопота. Вскорѣ мягкое, теплое, но дрожавшее существо прямо попало въ его объятія.

— Ахъ! что я дѣлаю! произнесъ молоденькій голосъ Фени.

Увлеченный прикосновеніемъ бархатнаго тѣла, Донъ-Жуанъ прежде успокоительныхъ фразъ хотѣлъ уже поцѣлуями заглушить робость своей жертвы, какъ вдругъ, словно на сценѣ театра, запахнулась дверь, блеснуло яркое освѣщеніе, и въ комнату вошли почтмейстеръ въ мундирѣ, его помощникъ, аптекаръ, квартальный и два почталіона.

— Такъ-то поступаютъ благородные люди, милостивый государь! сказалъ почтмейстеръ Винорѣцкому, который, бывъ застигнутъ врасплохъ, не успѣлъ даже выпустить изъ рукъ Феничку, лишившуюся чувствъ на груди его.

Разумѣется, Винорѣцкій не могъ представить никакихъ оправданій. Не стану описывать сцены, разыгранной почтмейстеромъ, какъ онъ увлекался оскорбленіемъ и какъ тотчасъ хотѣлъ послать за полковникомъ, — однимъ словомъ, надѣлать скандала.

Сцена, однакожъ, кончилась тѣмъ, что Винорѣцкій долженъ былъ сдѣлать формальное предложеніе, но кромѣ этого дать подписку на гербовой бумагѣ при свидѣтеляхъ—чрезъ недѣлю сыграть свадьбу, безъ чего Поцѣлуйкинь не отпускалъ волокиту и не соглашался отложить посылку квартальнаго къ полковому командиру. Когда первыя минуты смущенія миновали и невѣста пришла въ себя, гостей позвали въ залу, почтмейстерша вынесла шампанскаго и, прослезившись, благословила свою Феничку.

Рано утромъ дымогарскія улицы представляли необыкновенную суматоху; по крайней мѣрѣ, невозможно объяснить того движенія экипажей и той поспѣшности, съ какой знакомые встрѣчались и расходились, перекинувшись двумя, тремя словами. Еще не было и девяти часовъ утра, какъ экипажъ исправничихи остановился у городническаго подъѣзда. Слуга очень удивился появленію Барнаульской, однако поспѣшилъ высадить ее изъ коляски.

— Дома Лизавета Антоновна?

— Недавно встали.

— Пожалуйте, пожалуйста! раздался голосъ городничихи:— я всегда вамъ рада.

Барнаульская почти вскочила въ залу.

— Теперь, душа моя, не такое время, чтобъ помнить разныя неудовольствія, начала она:— слышали новость?

— Не о Феничкѣ ли?

— Ну, да.

— Знаю еще со вчерашняго дня. Мужа разбудили ночью и пригласили на сговоръ.

— Какая жалость! А я полагала сообщить вамъ первымъ.

— Покорно благодарю, напрасно беспокоились, отвѣчала съ иронической улыбкой Фонаревская: — неужели же вы считаете моего мужа такимъ колпакомъ, что онъ не знаетъ о происшествіяхъ въ городѣ?

Исправница проглотила эту пилюлю.

— Если угодно, сказала Лизавета Антоновна:—я могу сообщить вамъ подробности изъ первыхъ рукъ.

— Мнѣ также рассказывали свидѣтели. Но это въ сторону. Говорятъ, Винорѣцкій очень богатъ.

— Душъ около тысячи будетъ на его долю.

— Скажите! Но это безсовѣстно со стороны Фенички. Кто бы могъ подумать, что такая молоденькая дѣвушка и постоянно посѣщавшая такой порядочный домъ, какъ вашъ, рѣшилась завести связь съ офицеромъ....

— Я тутъ не вижу ничего особеннаго, да и тѣмъ болѣе она выходитъ за него замужъ.

— Говорятъ, штабъ-лекаръ хочетъ вызвать Винорѣцкаго на дуэль.

— Мало ли чего говорятъ! Послушайте только, что рассказываютъ о васъ или обо мнѣ. Не прикажите ли чашку кофе?

— Нѣтъ, покорно благодарю: мнѣ надобно еще кое-куда. Очень жалѣю, что мой визитъ къ вамъ былъ неудаченъ.

— Напротивъ, я очень благодарна за доброе желаніе. Не ваша вина, что вы опоздали съ новостью.

Исправничиха въ сильнѣйшей досадѣ уѣхала отъ Лизаветы Антоновны и отправилась прямо къ Поцѣлуйкинымъ, такъ сказать, въ самый источникъ неслыханнаго скандала.

Секретарша уѣзднаго суда прибѣжала къ судьяхъ, которая составляла какую-то мудреную ратафію.

— Вотъ новости, Пелагея Кузминична!

— А что, мать моя?

— Вы ничего не слышали?

— Нѣтъ.

— Эхъ, дайте духъ перевести! Знаете ли, что Винорѣцкій женится на Феничкѣ?

— А пусть себѣ женится!

— Нѣтъ не то, а какъ женится.

— Конечно, по обряду христіанской церкви. Аль онъ ба-
сурманъ?

— Эхъ, Боже мой!....

Въ это время къ судьяхъ влетѣла застѣдательша и немного скон-
фузилась при видѣ секретарши, на которую взглянула изподлобья.

— Значитъ, Пелагея Кузминшна, вамъ все извѣстно, ска-
зала она съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Еще пока не все.

— Такъ я вамъ расскажу подробнѣе: мнѣ передавала Мавра
Семеновна, а ей Степанида Марковна.

— А мнѣ рассказывала сама аптекарша, мужъ которой при-
сутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля, замѣтила секретарша.

— Видите ли, Поцѣлуйкинъ давно уже замѣтилъ, что Вино-
рѣцкій подмазывается къ Оенѣ, и хоть за нее присватывался
штабъ-лекаръ, однако почтмейстеръ не промахъ: узналъ, что у
Винорѣцкаго двѣ тысячи душъ.

— Не двѣ, а три, возразила секретарша.

— Двѣ въ Калужской, не то въ Московской губерніи.

— Три, и подъ самую подъ Москвою.

— Ну, чортъ съ ними, двѣ или три, виѣшалась судьяха: — не
намъ вѣдь онѣ достанутся.

— Какъ провѣдалъ Поцѣлуйкинъ, что этотъ женихъ поприго-
днѣе, и задумалъ, какъ бы выдать за него дочку. А Винорѣцкій,
говорятъ, такой безбожникъ, что о законномъ бракѣ никогда
не думалъ, а только обманывалъ чужихъ женъ да неразум-
ныхъ дѣвушекъ.

— Вышь пострѣлъ какой! воскликнула судьяха: — значитъ,
онъ фариазонъ проклятый.

— И таки фариазонъ отчасти, Пелагея Кузминшна!... Вотъ
Оеня и начала съ нимъ шуры-муры: дѣвка, знаете, бойкая, моло-
децъ-то красивый. Нужды нѣтъ, что за нее сватался почтен-
ный человекъ, Сутовой: она думаетъ — женихъ женихомъ, а съ
офицеромъ побаловать не мѣшаетъ, и назначъ ему свиданіе у
себя въ комнатѣ ночью.

— Какія мерзости! Ну, а отецъ и насочилъ что ли?

— Вѣдь вы сами знаете Поцѣлуйкина. Пронюхалъ онъ какъ-
то и приготовился.

— Ему, говорятъ, сказалъ деньщикъ Винорѣцкаго, переби-
ла секретарша.

— Не деньщикъ, а записка попалась. Видите, вы не знаете. записку писалъ Винорѣцкій, а Поцѣлуйкинъ перехватилъ и распорядился. Только что молодецъ пробрался въ комнату Оени и начали они тамъ любезничать въ потемкахъ, какъ почтмейстеръ въ полномъ мундирѣ при свидѣтеляхъ и вошелъ торжественно къ дочери.

— Винорѣцкій хотѣлъ застрѣлить Поцѣлуйкина; но квартальный отнялъ пистолеть.

— Неправда, Винорѣцкій хотѣлъ уйти, а почтмейстеръ вынулъ шпагу и сказалъ: «женись или тутъ же тебя смерти предамъ».

— Ну и что жъ?

— Разуиѣтся, Винорѣцкій повинился, подписалъ бумагу, и сговоръ запили шампанскимъ. Однако, прощайте, Пелагея Кузмишница: я только успѣшила сообщить вамъ новость, а мнѣ еще надобно къ Поцѣлуйкинымъ, посмотрѣть, какъ у нихъ въ домѣ.

— Покорно благодарю.

Исправничиха встрѣтилась съ казначейшей.

— Я къ вамъ, сказала послѣдняя.

— Не съ новостью ли? я уже знаю и сама сообщила кое-кому.

— Какой казусъ!

— Да, скажите! Кто бы могъ предвидѣть! И откуда счастье такому мошеннику! Вѣдь, говорятъ, у Винорѣцкаго три тысячи душъ.

— Я слышала больше. Однако, онъ, кажется, ранень.

— Какъ? я не слыхала.

— То-то же. Мнѣ говорила купчиха Перепечкина. Когда почтмейстеръ засталъ его у дочери, то напалъ на него со шпагой. Винорѣцкій вынулъ саблю и сталъ защищаться. Въ это время Оеничка бросилась ихъ разнимать, а почтмейстеръ задѣлъ Винорѣцкаго не то въ руку, не то въ ногу.

— Ахъ, страсти какія!

Собесѣдницы разстались.

Однимъ словомъ, вѣсть о ночномъ скандалѣ облетѣла по небольшому городу, разростаясь до чудовищныхъ размѣровъ, и въ комнаткѣ у просвирни толковали уже о томъ, что почтмейстеръ знается съ нечистыми духами, вѣсно, что онъ былъ за двадцать верстъ въ минуту свиданія, но вдругъ прилетѣлъ верхомъ на вѣдьмѣ, опустился въ трубу и накрылъ соблазнителя.

А дѣло было очень просто. Поцѣлуйкинъ узналъ изъ перехваченной записки суть, продиктовалъ дочери отвѣтъ, строго предписалъ ей известную роль, самъ выѣхалъ за городъ, откуда въ сумерки пришелъ пѣшкомъ, и устроилъ сцену какъ слѣдуетъ.

Весь полкъ тоже скоро узналъ происшествіе, разумѣется безъ разнообразныхъ коментарій. Во всемъ обществѣ, какъ гражданскомъ, такъ и военномъ, поднялась суматоха. Полковой командиръ тотчасъ же призвалъ Винорѣцкаго и хотя былъ готовъ принять его сторону, т. е. усилъ куда нибудь, а съ почтмейстеромъ войти въ денежную сдѣлку, но Поцѣлуйкинъ и слышать не хотѣлъ, имѣя въ рукахъ обязательство, подписанное при свидѣтеляхъ. Притомъ же, скандалъ совершился слишкомъ публично, и проволочка дѣла могла повлечь за собою серьезныя и непріятныя послѣдствія. Донъ-Жуану оставалось смириться и подвергнуться тому, чего онъ боялся больше всего въ жизни.

Штабъ-лекаръ вздумалъ было вломиться въ амбицію и потребовать удовлетвенія отъ Винорѣцкаго, но офицеры доказали ему нелѣпость подобнаго требованія, такъ какъ онъ не былъ женихомъ и сама дѣвушка предпочла ему соперника.

Больше всѣхъ участія Донъ-Жуану показалъ эскадронный его командиръ; но участіе это, разумѣется, ограничилось словами, вотому что ничего нельзя было предпринять въ такомъ исключительномъ и завершенномъ дѣлѣ.

На Винорѣцкаго скандалъ подѣйствовалъ тяжелымъ образомъ, и невольный женихъ заперся въ квартирѣ, принимая только самыхъ близкихъ. Онъ даже принимался нѣсколько разъ плакать, разумѣется безъ свидѣтелей.

Черезъ недѣлю Феничка вышла замужъ. Вѣчаніе происходило, по волѣ жениха, втайнѣ, въ бѣдномъ селѣ. Послѣ свадьбы, дня черезъ два, Винорѣцкій уѣхалъ въ отпускъ къ матери, оставивъ жену въ родительскомъ домѣ, выдалъ ей двѣ тысячи на содержаніе и подписалъ заемное письмо въ пятьдесятъ тысячъ.

Покидая Дымогаръ, Донъ-Жуанъ, хоть и не по дорогѣ, направилъ путь свой на Бѣлокаменцы. Это было передъ вечеромъ. Онъ оставилъ экипажъ въ сторонѣ и пошелъ пѣшкомъ къ озеру Дякихъ Розъ, не имѣя духу посѣтить Балганову. Имѣлъ ли онъ, или нѣтъ тайную надежду встрѣтиться съ Наташей, но, когда по знакомой тропинкѣ вышелъ на побережье, торопливо оглянулъ окрестность. Заходящее солнце золотило край

озера, роскошные кусты зеленѣли, шиповникъ распѣчивался огненными цвѣтами, а соловьи разливались въ треляхъ на всемъ пространствѣ. Винорѣцкій обошелъ вокругъ, посадилъ, закрывъ лицо, на извѣстномъ мѣстѣ, потомъ махнулъ рукой и почти бѣгомъ пустился къ экипажу.

Съ тѣхъ поръ госпожа Винорѣцкая не встрѣчалась съ своимъ мужемъ, который сперва вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, потомъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и исчезъ за границей при какомъ-то посольствѣ.

Въ Зимницы вѣсть о женитьбѣ Винорѣцкаго дошла нескоро, и, по странному стеченію обстоятельствъ, привезъ ее Сила Ивановичъ, который пріѣзжалъ къ Балгановой нанять для эскадрона нѣсколько десятинъ луга. Передавъ лаконически и своей манерой дымогарское событіе, Холдуновъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я всегда этому юбочнику говорилъ, что быть бычку на веревочкѣ.

Но во время этого разсказа ни Холдуновъ, ни Марья Семеновна не замѣтили постепенной блѣдности на лицѣ Наташи, и, когда Сила Ивановичъ подкрѣпилъ послѣднюю фразу ударомъ кулака по столу, Наташа упала въ обморокъ.

Цѣлый мѣсяцъ бѣдная дѣвушка была больна горячкой. Начавъ оправляться отъ болѣзни, она чистосердечно разсказала Марьѣ Семеновнѣ свою тайну, послѣ чего старушка немедленно собралась и переѣхала въ Москву на жительство.

Передъ отъѣздомъ Наташа посѣтила въ послѣдній разъ любимое озеро, обошла всѣ тропинки и на мѣстѣ своихъ свиданій, подъ кудрявымъ кустомъ шиповника, долго плакала, какъ бы желая вылить въ слезахъ самое воспоминаніе о вѣроломномъ....

А. ЧУЖБИНСКІЙ.